

Вопрос
нашего времени

2016

**З О Р И
Н А Д С Т Е П Ь Ю**

**Сборник произведений молодых писателей
Северного Казахстана**

Петропавловск 1960 год

85 90

P2
3-86

Зори над степью

23958

Сборник произведений молодых писателей
Северного Казахстана

5

Петропавловск 1960 год

A.L. :EHT

Перед вами скромный сборник произведений молодых писателей Северного Казахстана—членов областного литературного объединения. Авторы его—люди различного возраста и профессий. Среди них есть рабочие, учителя, журналисты, комсомольские работники. Некоторые из них знакомы читателям по выступлениям в печати, но для большинства настоящий сборник в полном смысле является «первым рейсом» в литературу. И творческий почерк и степень художественного мастерства у них разные. Но одна общая замечательная черта объединяет всех—это любовь к своему краю, к родному городу, к людям, покорившим целину.

Во многих строках живо чувствуется милая нашему сердцу северная природа с ее ширью, березовыми колками, алмазной россыпью многочисленных озер; ощущается дыхание трудовых будней, созидательного труда людей—строителей коммунизма.

Пусть кое-что написано рукой не вполне опытной, пусть кое-где авторам не хватает красок—зато это написано искренностью и жаром из души. Хочется, чтобы требовательный читатель не прошел мимо этого обстоятельства.

Сборник посвящается горожанам Казахстана.

К

Ей работа пыльная?»,
Только брови сдвинула,
Только взглядом кинула, -
И пошла—кипучая,
Что не смей подшучивать!
Ею залюбуешься,
Ею зачаруешься
Вся, как зорька вешняя,
Девушка нездешняя!
Милая, желанная
Девушка нежданная,
«Ох, уедет, скроется!»
Парни беспокоятся.
И в краю разбуженном
Стала близкой, нужной
Стала зваться местной,
Девушка чудесная.

Варвара-самогонщица

«Что за терем-геремок?
Из трубы идет дымок»
(Из русской сказки)..

У Варвары на бюджете
Трудовой—наплакал кот,
А Варвара в креп-жоржете,
Вкусно ест и сладко пьет
Так на что она живет?
Говорят, что у Варвары
Есть напиток—суший клад!
С крепостной, да с перегаром
На него-то в аккурат
Не скупись пьющий брат.
Вот, к примеру, у завхоза
Раззудится сизки нос—
Он к Варваре. Выпьет дозу—
И решен уже вопрос:
У Варвары лес и тес!

Кладовщик, когда не в духе,
Мимоходом забредет;
От Варваринной сивухи
Разомлеет, запост...
У Варвары—свежий мед!
Председатель на похмелье
Запедужит головой, —
Тут как тут Варвара с зельем —
Хитроумною водой..
А Варваре—шаль с каймой!
Плачут дети у Степана.
Ждут гостинцев от отца.
Но отец в угаре пьяном
Просадился до конца.
А Варвара—в кружевцах!
Пристрастилася Варвара
Барыши копить на них.
Кто любитель «полной гары»,
Кто для нас опасней всех
Пережитков и помех!

Навстречу новой жизни

(Сцена из пьесы «На берегах Ишима»).

Темно в казачьей канцелярии. В коридорчике тюремная комната (по местному каталажка).

Архипыч вводит связанного Евлашку.

Евлашка. А ты не толкай, холуй буржуйский!

Архипыч. Я те покажу «холуй»!

Евлашка. Эх, Архипыч, все ты с комфортом.

Архипыч. Да что тебе Архипыч? Садись вот и не маячь (в темноту). Кто тута есть? (Засветил лампу, оглядывает канцелярию, каталажку, обнаруживает отсутствие замка). — Никого... Но кто-то был... Ишь, каналья!

Евлашка. Культура а тебе отсутствует, Архипыч, хогь а лысина на голове. Будто забыл, что за меня с тебя овчинку снимут.

Архипыч. В драке. Евлашка, волос не жалеют. А лысина — это брат, гоже кудри, только третьего сорту. А потом, кто ты будешь, чтобы за тебя в ответе бить?

Евлашка. Кто бы не был, а тебе приказано посадить в каталажку и без царапинки содержать. Потому я для них — экстра. Понял?

Архипыч. Ух ты «экстра». Нет смотрю я, мало тебя подарпали. Мало!

Евлашка. А вот и не больно. (Сел). Видал? Хоть бы что!

Архипыч. (Удивленно). Врешь. Ведь так лупили, в кровь!

Евлашка. Пустяки.

Архипыч. Ой ли?

Евлашка. Даже петь хочется. (Тихо, задумчиво поет)

«Нагайка, ты нагайка,
Тобою лишь одной,
Романовская шайка,
Сильна в стране рсдной».

Архипыч. Соловей... Поешь, хошь и враг... трогательно. Да что спина у тебя особенная?

Евлашка. Да уж не барская (морщится от боли).

Архипыч. А что пролетарская?

Евлашка. (Не слушая, зло). Вот уж если бы мне довелось Чернышова. Исполосовал бы не так!

Пауза.

Архипыч. Нет, Евлашка, не исполнится твоя думка. Говорить не думая, что стрелять не целясь. Твоя дорожка одна — в пятый лог. Или тута выведут на бережок Ишима—чик, я тама. Разве уж на том свете квит наведешь.

Евлашка. А ты радуешься. Кровушки захотели, кровопийцы вы все проклятые!

Архипыч. (Смутившись). Ну, ты. Чего мне, мое дело — служба. А что касасемо крови, так стало муторно смотреть. Горя, что море—не переплыть, не выплакать.

Евлашка. О, да ты кумекаешь. Ум в тебе... И как же это тебе доверили меня?

Архипыч. Доверили. Стало быть, верят. Кому служу, тому и пляшу.

Евлашка. Темнота! «Служу, пляшу». Что тебе терять, если бросишь их, ты из буржуев что ли? Смятый картуз с обдупленной кокардой... (морщится от боли).

Архипыч. Не смутьянь. Сам кумекаю, что к чему.

Евлашка. Кумекаешь, а ни идейности в тебе, ни дивизу. Сади-ка в каталажку и не тяни. Я хоть отдохну там а завтра опять... допрос, моченая веревка, а то и каюк... Сади, Архипыч, по-свойски прошу.

Архипыч. Посади вон черта лысого. Замок-то сперли. Не иначе твой Матвей с горожанами опять орудует. Слушай, Евлашка, где хоть они, если по-свойски толковать.

Евлашка. (Зло). Вон почему тебе припоручили меня. Значит, «пронюхать, по-свойски». Нюхай, нюхай. Жаль руки связаны. Ты вот нюхаешь, а около нас с тобой невидимые люди прокламации расклеивают, бери их, читай, вои они, свеженькие!

Архипыч. (Испуганно). Ну, ты, будя тебе не дури! (Оглядывает стены, срывает одну листовку, про себя читает)

Евлашка. (В пространство). Что же вы, товарищи, делаете: на глазах у всех прокламации клеете, замки с каталажек сдираете, ай, ай, ай, эдак-то вы с Архипыча и штаны стяните.

Архипыч. (Оглядываясь) Да будя, колоброд! (Читает).

Евлашка. (Напевает) — «Звенит звонок насчет проверки.
Ланцов задумал убежать...».

Входит солдат в обмотках. Он не обращает внимания на сидящих, подбегает к печке.

Солдат в обмотках. Эх завернуло! Тут зуб на зуб, аи ишо обсечка.

Архипыч. (Берет свою винтовку) Ты чего не спросяся завадился. Чего тебе?

Солдат в обмотках. А мы в тупор озябши сюда погреться забегали. Так ничего было. Эх ты славно пряхжигает...

Архипыч. А ну, ослобони-ка. Видишь рестант из большевиков?

Солдат в обмотках. (Испуганно) Эх, паря, дело-то какое! (Убегает).

Евлашка. Своего же.. Чудно. А если тебе так?..

Архипыч. Приходилось. У этих челдоноз в крешенье льду не выпросишь.

Евлашка. Безжалостный..

Архипыч. На то и шука в Ишкме, чтобы чебах не дремал. Пусть попрыгает. Вояка, ядрена шияшка! У него и винтовка— что клюшка в руках, а ишо воюет. Вот с ними-то и дозоевализь!

Пауза.

Евлашка. Архипыч, а верно, что мы с тобой родня? Говорят будто бы моей родной тетке Фекле, которая умерла, твоя бабушка по отцу была родной сватьей, верно это?

Архипыч. (Озадаченно). Родной сватьей? Черт ее знает. Что-то не припомню. А можа и так.

Евлашка. Архипыч!

Архипыч. Што еще?

Евлашка. Давай сбежим, вместе. В твоих руках, Архипыч.

Архипыч. Эх! Ловко! А ради какого архангела мне-то?

Евлашка. А ты прислушайся и тогда поймешь—ради какого архангела. (Слушает).

Архипыч. Никак у Мамлютки бьются.

Евлашка. Сегодня у Мамлютки, а завтра здесь. Думай. Что хоть пишут?

Архипыч. Зовут к себе. Вот как ты же. Сулят Петропавловск в ближайшие дни взять. И еще миром душу скребут.. дескать, кончай войну и мир будет.

Евлашка. А как же Колчака не будет с кем воевать? Конечно, мир будет.

Архипыч. Эх, мир.. Сказки... Кто там?

Входят Марфа.

Марфа. На огонек зашла, да видно зря. Атамана бы мне Архипыч. Вот полуношница, «атамана». У Чернышова Садись, закуричай.

Марфа. И что мелешь, курящая што-ли? (Вглядывается в Евлашку). Кто это?

Архипыч. Ха, кто? Большевик.

Марфа. (Удивленно). Навот! Эк ты какой—первая лас-точка. Сам?

Архипыч. (Скрывая улыбку). А то. Попался, как налим в вершу.

Марфа. В военных тактиках не разбираюсь. Где сцапал-то?

Архипыч. Где, где? На том берегу. В талах заплутал.

Марфа. Ишь ты! К селу пробрался! Молодой... А можа и не большевик?

Архипыч. Спроси.

Евлашка. (Изменив выражение лица и голос). Как есть правда, мамаша, большевик отроду.

Марфа. Эк, стало быть, и безбожник?

Евлашка. Не молюсь.

Марфа. А Ленину, небось, молишься?

Евлашка. Ленину? Ленину молюсь.

Марфа. (Ехидно). Так вот он тебя, видно, и спасет теперь (хихикает). Правильно, Архипыч, отец Василий сказывал, что настало времячко кончать с супостатами! Всю Россию возмутили—запоганили, царубийцы проклятушие!

Евлашка. Ну, если твой отец Василий взялся за это, то дело будет! Ему бы берданку простоквашей зарядить за паникадилу к соответствующему месту подвязать—крышка большевикам!

Архипыч. Ну, ты вот что... некрамоль тута, а не то я вот по кумполу... Уж больно густо кадишь святых загадишь.

Марфа. Язык-то, батюшки! Ты уж его охраняй, Архипыч, как надо! Вырвется—беды не оберешься. Еж мало ру и цоги связать.

Архипыч. У меня где сядет, там и слезет...

Евлашка. Бежать.. Что мне бежать. Меня наши освободят, а вас на мое место. Вот тогда я посмотрю, как вы запоете, контра буржуйская!

Марфа. (Обиженно). Ишь ты! А меня-то за что? Да я вся тута и никакая не буржуйская.

Архипыч. Ну, будя. Не егозись. Марфа, сходи-ка лучше к Чернышовым и шепни атаману, что в каталажке замок какая-то стерва с мясом вырвала. Пусть экстренную меру предпримет. Валяй!

Марфа. (Охотно) Да как же. Отчего не сходить О, господи! (крестится) Ради дела... Уходит. Пауза.

Архипыч. (Смеется). Здорово ты ее объехал. Не узнали тебя.

Евлашка. Кого эта челядь придворная, кроме буржуев, узнает?

Архипыч. Ну, ты!

С улицы доносится песня «Расстрел коммунаров». Архипыч и Евлашка слушают. Архипыч смахивает слезу.

— Опять рассреливать, а за что людей-то?... Эх, жизнь, опаснее те в душу!

Евлашка. Дозволь, Архипыч, прилечь, тошнит что-то.

Архипыч. Ладно. Спать не время, давай руки. (Быстро развязывает евлашкины руки). Вяжи мои. (Ложится на пол).

Евлашка. (Удивленно). Ты что?

Архипыч. Вяжи, не болтай, холера! Да крепче!

Евлашка. (Вяжет). Зря, Архипыч, вместе бы...

Архипыч. Делай, что сказано! Так лучше. Лампу уверки и беги. Винтовку да шапку заведи. Гляди в оба, да не разбей лоба. А мне уж хватит, отвоевался.

Евлашка. (Радостно). Ну, Архипыч. Советская власть никогда...

Архипыч. Заткни рот!

(Евлашка прикрывает свой рот, убегает).

— Э, черт, не понял!... Ну, да ладно... мне теперь все одно, заткнут рот или раскрыт—один конец. А он — другое... молот. К нему новая жизнь навстречу идет, а он к ней тянется, как росток к солнышку без страха, а главное — без хитрости. Его бьют, а он тянется, его лупят, а он поет. Всяк правды ищет, да не всяк ее сам творит. А он — сам... (На улице шум приближающихся людей). И пусть ему счастье! Вырос «Родня» (улыбается).

Убегает Шумакин, Геннадий Петрович, Сугаков, солдаты.

Шумакин. (Хватает за ворот и ставит Архипыча) Что? Геннадий Петрович. Раззява!

Архипыч. Тебе бы тут (на листовки) вот они... и замок сперли!

Сугаков. (Срывая листовки, солдатам). Взять, посадить! (Шумакину). Кому доверили! Вы мне ответите за это. Ваши поступки мне давно известны, господин атаман!

Шумакин. Пешел к черту. Кто ты будешь? Да тут я атаман, а тебе — что?!

Сугаков. Ну так и не будешь им! Вы кому служите?

Геннадий Петрович. (Усмиряя). Господа!

Шумакин. (Сугакову). Черту лысому служу! ..

Солдаты садят Архипыча в каталажку.

Сугаков. Ах, вот как. Об этом мы еще поговорим. Ты мне ответишь за беглеца и за всю подпольщину, которой потворствуешь.

Шумакин. Ладно, ответу.

Геннадий Петрович. Посиди-ка, Архипыч, да вспомни, что ты казак и что ты забыл о службе отечеству за веру и правду.

(Шумакину). Приставь надежного казака.

Шумакин. (Зло). Нет у меня больше казаков! (На Сугакова). Пусть своих ставит. Они лучше.

Сугаков. Да, вы правы. (Проверил прочность двери). Обойдемся. (Солдату в обмотках). Ты будешь охранять. (На Архипыча). Завтра ты мне расскажешь, где беглец!

Все уходят. Вбегает Марфа.

Марфа. Батюшки! Да что это с тобой. Архипыч?! Говорила, охраняя, убер... Было б ноги связать. (Приближается к каталажке). Милай, что делать-то?

Солдат в обмотках. А ну, не подходи, стрелю!

Марфа. Господя, да что ты? Украду я его что ли?

Солдат в обмотках. А кто знает. Может ты большевичка.

Марфа. Батюшки, надумал. Что ты ослеп... Какая я большевичка?

Солдат в обмотках. Знаем. Нам сказывали, как большевики могут обворачиваться. Большевики — это такое... Вот нет его, а то и объявится и что-нибудь того, натворит. Знаем мы вашего-то брата.

Марфа. Эка ты, какой строгая.

Солдат в обмотках. Истинно верно, строгая.

Архипыч. (В решетку). Иди, Марфа, передай бабе

Марфа. Иду. Архипыч, к Матрене... Пусть решает, что и как.. (Уходит).

Солдат в обмотках. Вот дура, баба. (Хохочет)

Пауза.

Архипыч. Кто будешь?

Солдат в обмотках. Кто? Чужак. Не император же. Известно, дело—солдаты мы. А чего это тебя... слово, а упекли? Вот время... Пока что с берегу спустили с десяток... Поют. Их бьют, а они поют. Дела, брат.

Архипыч. Откуда будешь?

Солдат в обмотках. Дальний... За Шадриным, у Челябин живем, стало быть, много верст отседова будет.

Архипыч. Семья дома?

Солдат в обмотках. Семья? Детей пока нету, жить бы только: «Давай,—говорят,—отчеству защищай»... Вот теперь и не знаю как там Стеша. Фу, как тепло!

Архипыч. Подтапливают.

Солдат в обмотках. (Растегнул шинель). Осень. Морозец-то за скулы берет, а мы на улке спим. Ваши-то не выпускают «Виш», говорят, у вас тифозные. А что вошь? — мелкая насекомая. У меня их можа тыща теперь, а тифу никакова, хоть тут умри! Тиф—это обыкновенная поветрия. Тут смотри откуда ветер, если отсюда дунет, то, стало быть, тиф, а вот отсюда—лихоманка, а то и ничево... А бывает, что дунет такая поветрия, что и насквозь прошибает».

Архипыч. А много из ваших болеют?

Солдат в обмотках. Хватает. Тут уж кому какой фарт.

Архипыч. А что, охотники есть?

Солдат в обмотках. (Садится на пол, разматывает обмотку). А как же. Заболел—тут тебя и домой, а то вот прем не знамо куды. Поговаривают, что в Китаю, а что, брат, там делать? А еще поговаривают, большевик-то уж и из Китаю на нас двинул. Надясь в вашей же деревне, подкинули гумяшки, а в них так и пишут: «Кончай воевать за Колчака буржуйского, а не то крышка, стало быть». Читал никак?

Архипыч. Читал.

Солдат в обмотках. Так вот помалкивай, да разумеи, откуда тебе в рыло... Большевик, брат, ныне размножается. Императора как корова слизнула (смеются). Время, стало быть, такое и ничего с ним не поделаешь. Хоть тут ишо сотню Колчаков да разных Юденичев...

(С шумом вбегают бабы. Одна с шашкой).

Агафья. Ах, вы, опасни вас!..

Архипыч. Бабы, что вы! Матрена, Агафья!

Бабы. Это, до чего дошло! Видано ли, казаков в ката-
лажку! Большевиками пугают, а сами, что делают! Вяжи его,
бабоньки!

Архипыч. (Зло) Бабы! Одурели что ли? Кровопролитиев
захотели? Марш отсюда!

Агафья. Ах ты, опасна тебя! Он еще команды подает! А
ну, бабоньки, напирайте на дверь.

Архипыч. (Умоляюще). Матрена, Агафья, бабы, не губите
вы себя и меня... не слобровать.

Бабы. Не бойся, Микитушка, напирай, бабоньки.
(Срывают дверь). — Выходи! Пусть сами воюют! Ишь, Со-
ветская власть им горькая редька, бесятся, истязаются, всех
мужиков порозогнали!

Архипыч. Не выйду я, бабы, ей-бо... не выйду!

Агафья. Вылазь!

Архипыч. Сказал не выйду.

Агафья. Вылазь!

Матрена. А ну, бабоньки, тащите его, заразу.

Вбегают: Сугаков, Шумакин, Геннадий Петрович.

Сугаков. Тихо! Что завакханалия?!

Геннадий Петрович. Видал, что делается!

Сугаков. Это что еще?!

Шумакин. Разойдись, бабы!

Геннадий Петрович. (Примирительно). Вот саранча

Бабы. Проваливайте!

Продался, казачий атаман?!

—Наших мужиков садит?!

—Не уйдем, пока не отпустит!

Шумакин. Да, что вы, бабы?

Бабы (не унимаются). Сам баба!

Сугаков. Хорошо. Атаман, отпустите арестованного, а вы,
дамочки, по домам! (Архипычу). И ты, иди... отдыхай.

Агафья. (Солдату). Возьми ружье-то.

Окружив Архипыча, бабы уходят. Сугаков ударает по
щеке все еще связанного и растерянного солдата. С криком
вбегает Марфа.

Марфа. (Залыхавшись, сквозь слезы) Венямина Петровича... (Геннадью Петровичу) братика твоего!..

Геннадий Петрович. Что?!

Марфа. Убили.

Геннадий Петрович. Кто?!

Марфа. Не знаю.

Шумакин. Да где?

Марфа. Там, на Береговой... У Ишима.

Сугаков. (Зло). Варфоломеевская ночь!.. Всю деревню к чертовой матери!..

Все убегают.

Солдат в обмотках. (Один). Вот и разумея, откуда тебе в рыло (плачет, зло грозит кулаком). Ну, погоди ишо!

ЗАНАВЕС.

Целинный край весну увидел

Звенела на морозе медь оркестра,
Как в давние тридцатые года.
И в дальние края, срываясь с места,
Спешили, торопились поезда.
В вагонах (в тесноте, да не в обиде!).
Летела юность, песнями звеня.
Целинный край—весну свою увидел.
И зацвела богатая земля.)
Но до цветенья были грязь, морозы,
Короткий сон в палатке на ветру...
Поэзию здесь вытесняла проза,
Здесь был суровый и нелегкий труд.
Здесь по-другому люди стали мыслить,
Познав немало радостей и бед.
Всего, что было, нам не перечислить,
Но больше было все-таки побед.

Баран-пчеловод

Басня.

Не первый год
директором конторы «Заготмед»
была
Пчела.
Вела
дела
она прилично,
но совершенно необычный
приказ получен свыше был.
Приказ гласил:
«Как сообщил
уполномоченный Удод,
Пчела не знает, что такое мед,
А посему пчелу проревизировать
и дисквалифицировать.»

Дать премию за выполнение плана,
затем уволить как профана,
а в «Заготмед» послать «Барана».
И вот подписан акт о передаче—
Баран вступил в свои права.
В конторе все пошло иначе:
по сбору меда неудачи,
на складах только недостачи...
Барану что... Была б трава,
«Баран в конторе «Заготмед»? —
двинулся ревизор Енот,—
Какой додумался осел
послать барана вместо пчел?!».

Енот был прав, не ведая о том,
Что послан был Баран

Ослом

КРЫСА

(РАССКАЗ)

Зине приснился сон, будто из соломы выскочила крыса и убежала прямо к ней...

—Зиночка, это плохой сон!—сказала Виконтесса Ниловна, перебирая пухлыми пальцами лакированные костяшки счетов.

—Сны все одинаковы. Это результат торможения в коре головного мозга.—беспечно ответила Зина, отстукивая на машинке приказ.

—Не говорите,—тоном превосходства возразила Виконтесса Ниловна.—Я старше Вас и знаю, что означает этот сон. Должна Вас предупредить: ждите большую неприятность. Притом с шумом. Солома—шум.

В чувствительное сердце Зины закралась тревога и она, вместо слова «понижен», напечатала «повышен», так что в приказе получилось: «Предупредить, если т. Иванов не выправит положение, он будет повышен в должности». Пришлось скоблить бритвой, а Виконтесса Ниловна расходилась все больше и больше, доказывая на конкретных примерах фатальную неизбежность последствий подобных сповидений.

—Представьте, мне однажды приснилась баня. Утром встаю исчезли босоножки.

—Я с Вами полностью согласна, Виконтесса Ниловна, поддержала ее кассирша.—Неприятность у Зины непременно случится. Крыса—к беде.

Обе женщины снова обратились к примерам. На впечатлительную Зину это подействовало. Виконтессу Ниловну она уважала за возраст и широкую осведомленность. Когда начальник требовал машину и покидал свой кабинет, Виконтесса Ниловна преображалась. Она говорила: «От уезжающего начальства даже пыль приятна». После чего приступала к бесконечным разговорам о гипертонии, гладиолусах, девроне, варенье, путевках, разводах, умолкая лишь с возвращением начальства или окончанием рабочего дня.

Когда возникали слухи о предстоящем сокращении штатов, она не унывала. И если кто-нибудь из сотрудников чихал, вместо «будьте здоровы» она говорила: «Будьте в штате!», за что чихнувший сердечно ее благодарил. Давала она и Зине дружеские советы.

—Здесь, милочка, уж слишком мало запятых. Если через каждые два—три слова раскидать запятые, документ будет выглядеть гораздо приличнее.

Вот и теперь ее уверенный голос гудел в ушах:

—Если приснится лошадь, будет ложь. Свинья—к свиному. Дом без окон—близкая собственная смерть...

Строчки сливались в Зининых глазах. Вместо текста ей мерещились: то схищенное крысиное рыльце, то лицо Виконтессы Ниловны на соломенном фоне.

Под неумолкающий аккомпанемент женских голосов Зина допечатала «спешные» бумаги и обратилась к «срочным». Вошел начальник.

—У Вас все готово? Давайте на подпись. Да, а телефонограмму управляющему трестом по случаю его сорокасемилетия немедленно заклейте в конверт и передайте Междурогову. Он сейчас вылетает самолетом и вручит телефонограмму юбиляру лично. Все копии оставьте у меня на столе.

Подписав бумаги, начальник ушел. Виконтесса Ниловна и кассирша продолжили прерванный разговор о раке желудка. Зина продолжала мучительно думать: «Какая может быть неприятность? По работе или в личной жизни? Виконтесса Ниловна говорит: «Крупная неприятность». И непременно сегодня. Уж скорей бы кончился день!».

Часовая стрелка миновала пять. Разговор уже шел о технологии приготовления клубничного варенья, как вдруг затрещал звонок начальника, вызывающий секретаря-машинистку. Так нетерпеливо начальник еще никогда не звонил.

Изменившись в лице, девушка двинулась к дверям кабинета. Виконтесса Ниловна многозначительно посмотрела на кассиршу.

—Вы о чем думаете?!—резко спросил начальник, уставившись на Зину глазами полными бешенства.—Я Вас спрашиваю: чем Вы занимаетесь в рабочее время?

«Вот она, солома, сейчас и крыса будет». — подумала Зина. А начальник продолжал:

— Смотрите, что Вы напечатали! Надо: «подача пара», пишете — «порча пара». Вместо «поправочный коэффициент» — «пропарочный». Перерасчет зарплаты превратился в «перерасход», а вместо слова «телефонограмма» напечатали.. «филькинограмма»!

Он стучал футляром от очков по настольному стеклу.

— Это от всего-то нашего коллектива уважаемому Николаю Гурьевичу «филькинограмма!» «Что же по-вашему, я здесь филькины грамоты подписываю!?» — И начальник смахнул на пол графин.

Теперь наступила очередь Зины уподобиться по части глаз своему начальнику.

— Идите на свое рабочее место и пишите приказ: Вам объявляется выговор за халатное отношение к своим обязанностям!

Когда Зина вышла из кабинета, Виконтесса Ниловна и кассирша собирались домой и торопливо подкрашивали губы фиолетовой помадой. Зина, шмыгая носом, начала печатать приказ.

Проклятая крыса сделала свое дело.

Бестоварная операция

(РАССКАЗ)

Морозной январской ночью, звонко скрипя валенками по упругому снегу, кондуктор Воронин возвращался домой с работы.

В тулупе, с заиндевевшими усами и бровями, он смахивал на доброго Деда Мороза, которого ждут дети. Но детей у него не было; дома его ждали жена, да кошка. Да и то вряд ли ждали. Они, наверняка, уже спали.

Воронин отчетливо представил жарко натопленную спальню, матовое свечение стеклянного ночника-попутая, и размеренный, заполняемый в интервалах тиканьем часов, храп супруги.

Возле кучи угля, выгруженного из стоящего рядом полувагона, Воронин остановился. Вокруг не было ни души. В перспективе железнодорожной панорамы, приветливо переливаясь на морозе, горели слочные гирлянды блокировки. Где-то свистел маневровый паровоз. В холодном небе монотонно гудели незримые провода. Звезды, лукаво перемигиваясь, наблюдали за действиями Воронина.

По привычке он, чтобы не идти домой с пустыми руками, выбрал из кучи приличную глыбу и, заключив ее в объятия, вновь заскрипел по снегу. Но вскоре он почувствовал, что не рассчитал свои силы и возможности,—тащить глыбу было тяжело и неудобно. Воронин решил было уже ее бросить, как, откуда ни возьмись, перед ним выросли две человеческие фигуры.

— Гражданин, что вы несете?

— Да, вот, уголька по пути домой прихватил. Уж больно хороши! Я на станции работаю, кондуктором,—бойко ответил Воронин с подкупающей откровенностью.

— Понятно. Пройдемте в дежурную комнату. Мы—патруль.

Заметив движение Воронина, один из дружинников предупредительно посоветовал:

— Да уголек-то не бросайте.

Дежурная комната милиции находилась в противоположном конце станции и, притом, на порядочном расстоянии. С куском же угля на животе путь показался еще больше; так, что пока Воронин добрался до дежурной комнаты, он скорее походил на паровоз, чем на Деда Мороза. Ислуг у него постепенно перешел в досаду. Бросив у крыльца глыбу, он первым ворвался к дежурному милиционеру и, не дожидаясь, когда его представят, сам перешел в наступление:

— Товарищ дежурный, что же это они из мухи слона делают?! Взял кусок угля—подумаешь важность какая! Да я сам работаю на станции!

— В чем дело?—спросил дежурный, вопросительно глядя на дружинников.

Один из них, молодой парень в железнодорожной форме, по-военному вытянув руки по швам, доложил:

— Задержан с поличным при расхищении государственного имущества. Вещественное доказательство—кусок угля, у крыльца, килограммов на тридцать.

Другой, пожилой, в овчинном полушубке, пояснил:

— Совершенно случайно, товарищ лейтенант, встречаем этого гражданина с подозрительной ношей. Ну, поинтересовались; что несет в такой поздний час. Говорит: уголь, по дороге, мол, захватил.

— Ясно. — сказал дежурный и перевел взгляд на Воронина. — А по моему, гражданин, тут действительно слон получается. Они правы. На узле работает пять тысяч человек и если каждый будет ежедневно уносить по тридцать килограммов...

От злости и досады Воронин с силой ударил шапкой об пол.

— Спокойно! — сказал дежурный.

Установили личность задержанного, позволили на квартиру начальника кондукторского резерва, где работал Воронин. Пока дежурный говорил с начальником, Воронин угрюмо смотрел на заплеванный пол...

— А топливом вы его обеспечили? — спросил дежурный. Слушая ответ, лейтенант удовлетворенно хивал головой. Затем протянул трубку Воронину:

— Ваш начальник хочет говорить с вами.

Воронин услышал знакомый раздраженный голос:

— Ты чего это там позоришь всю нашу кондукторскую гвардию. На поруки захотел что ли?

Начальник сам был когда-то кондуктором, а поэтому не особенно отбирал выражения в разговоре с Ворониным.

— Ну, мы с тобой еще потолкуем, — пообещал он в заключение. — А теперь отдай трубку дежурному!

Дежурный еще немного говорил с начальником и сказал дружинникам:

— Просит отпустить с миром. Обещает сам наказать. Решайте, товарищи.

Дружинники, посоветовавшись, решили со своей стороны ограничиться карикатурой на Воронина в сатирической витрине «Крокодил идет по узлу», а пока отпустить его на все четыре стороны.

— Идите Воронин, — сказал дежурный, вновь снимая

трубку с зазвонившего телефона. — Да больше с таким делом не попадитесь.

Когда Воронин спускался с крыльца, его обогнали выбежавшие дружинники. Опять вокруг никого не было. У крыльца чернела злополучная глыба. Воронин подобрал проволоку, накинул ее петлей на глыбу и легко поволок по скользкой дороге.

— Вот вам вещественное доказательство. — злорадно усмехнулся он, набирая скорость.

На этот раз обошлось без приключений. Благополучно добравшись до дому, Воронин скинул на кухне тулуп, зажег фонарь, взял из чулана топор, которым обычно раскалывал уголь и вышел во двор. Полночная угольная операция приближалась к концу. От правильно рассчитанного удара обухом глыба развалилась на два блестящих куска. Воронин нагнулся и по-хозяйски осмотрел их при свете фонаря. Потом бросил топор, протер глаза и осмотрел снова.

Это был не уголь. Это была глыба льда, покрытая угольной пылью.

Новое так рождалось...

Памяти погибших в июне 1918 г. в
Петропавловске венгерских комму-
нистов

Сядину ковыля пригладив,
Ветры степные мчатся.
Кто там сегодня в наряде?
Будьте готовыми, братцы!

Тихо. Чуть слышим кони...
Жесткая тихая степь...
Звезды в рассветной тонут
Голубой высоте.

Лишь в тишине зловещей
Звонко щебечут птицы.
В бликах зари трепещет
Красное знамя из ситца.

Сядину ковыля пригладив,
Ветры степные мчатся.
Кто там сегодня в наряде?
Будьте готовы, братцы!

Гроза налетела злая,
В Совдепе охраны горстка
Вокруг пулеметы лают
На уличных перекрестках

Радугой в небе чистом
Заря разметала краски.
Венгерские коммунисты —
В цепь на углу Почтамтской,

Долго ли сможет биться
Горстка из самых смелых?
Красных всего лишь тридцать
Против двух тысяч белых

В камни бы глубже вжаться,
В узел связать свои нервы,
Где же подмога, братцы?
Что там на мясоконсервном?

Багровыми языками
Объята и цехи, и склады
Зажаты в тиски врагами
Красногвардейцев отряды

Вестью печальной в степи
Ветер июньский мчится,
В клочье от пуль на Совдепе
Красное знамя из ситца

Знамя, как рана в сердце
Ныло от пули вражьей,
Молча герои-венгерцы,
Идут Вознесенским под стражей

Над Петропавловском алые
Солнечные лучи.
Выползли из подвалов
Вчерашние богачи.

Как коршуны, баи степью
Скачут на пир кровавый
Схвачены члены Совдепа,
Их ждет без суда расправа

Грозно нахмурив брови,
Шли на последний бой
Капли горячей крови
Дымились на мостовой

Новое так рождалось
С пулей и с песней в груди
Боролись они побеждая,
И умерли, победив.

Шли они в путь бесстрашный
В последний решительный бой
Чтобы в победах наших
Частицею быть живой

Они с нами

Посвящается 18-ти летней Наси
Прокопичевой и другим коммунис-
там, расстрелянным белогвардей-
цами в Петрозавловске в июне
1918 года.

Прикус стелной полыни,
Белые ночи в июне,
Кто знал, что беда нахлынет,
Как раз в новолуние.

На небе ни тучки — чисто.
Светлеют жемчужины звезд.
Двадцать два коммуниста
Под стражей идут на допрос.

Насе простой и милой
Всего восемнадцать лет,
А с губ срывается с силой
В лицо атамана — «НЕТ»!

Когда атаман в неистовстве
Железом ей кожу жжет,
Косами золотистыми
Она зажимает рот

Одна за другою птицы
В рассветной поют синеве,
Суровый покой на лицах —
Шагают двадцать и две.

Рассвет прослезился росами.
Последний их путь недалек...
Желтея крутыми откосами,
Задумался старый лог

Двадцать и две их было...
Ковыль шевелит усами..
Родина их не забыла,
Они постоянно с нами.

Матрос

Посвящается матросу Зинину, члену первого Петропавловского Совета, расстрелянному белобандитами в числе 22-х коммунистов 10-го июня 1918 года.

В сапогах, в бушлате нараспашку
Он стоял, как будто в землю врос
Кровью обогрелая тельняшка,
Пряди русых, спутанных волос.

Залп! Еще, еще... и он упал бы.
Только чудом удержаться смог.
Показалось: не земля, а палуба
В шторм уплывает из-под ног.

Все в глазах туманило, рябило.
И до крови губы закусив,
Он стоял покуда сердце билось.
В кулаки зажав остатки сил.

Полоснул бичом над логом выстрел.
И матрос откинулся назад.
Молча умирают коммунисты,
Молча рвет матрос с плеча бушлат

И в молчании, для бандитов страшилом.
Под крутым обрывом на рассвете
Кровью обогрелую тельняшку
Поднял вверх он знаменем бессмертья

Как живой сейчас перед глазами.
Образ тот героя-земляка...
В наши дни сжимает это знамя
Партии надежная рука

Рассказ старожилы целины

Гвозди б делать из этих людей,
Крепче бы не было в мире гвоздей.

В ТИХОНОВ

Наш совхоз. Дома в шерстягах
стройных.

Фонари на улицах горят...

Вспомнился мне первый дом, построенный
Здесь вот, лет пяток назад.

Мы тогда готовились к параду.
Первый дом закончить было надо.

Первомай уж вот он, на носу.
Нет гвоздей, гвоздей нам не везут.

Как тут быть? Два дня до Первомай...
Очень малый оставался срок...

«Выход есть! Тревога боевая», —
Вдруг воскликнул рыжий паренек.

— «Батька мой всю жизнь ковал
подковы,

Я ему порою помогал,

гвозди для подков, даю вам слово.
Я нередко сам ковал»

Началось! До самой ночи черной,
Сложив автомат, ковал кузнец.

Бьет накал Огнем пылают в горне
Двадцать юных боевых сердец...

20 рук стремительно хлопочут
Что сказать о доблести людей,

Если за два дня и за две ночи
Дом готов... и лишних пять гвоздей.

• Б у д н и

Ивану Савченко, трактористу
Миролюбовского совхоза

День стоял совсем обыкновенный,
Весь февральской вьюгой заметен...
Для коров последний центнер сена
Был включен сегодня в рацион.
Бригадир гурта седоголовый
Поутру расстроен и сердит
Как бы это объяснить коровам,
Чтоб того... сдержали аппетит?
Но они спокойными глазами
На него с надеждою глядят,
Словно говорят: «Беда с кормами
Значит сам ты, дядя, виноват».
Виноват. Не отрицает факта...
И кормушки начали пустеть...
В непогодь решил с санями трактор
За кормами он отправить в степь.
Степь. Зима. Четыре человека
Поезд с сеном по снегу ведут.
Четверо. Лишь с небольшим полвека
Эти хлопцы на земле живут
Кружатся завьюженные тучи,
Не мотор, а вьюги слышен свист.
И от песни буревой, плакучей
Загрустил наш юный тракторист.
Загрустишь, пожалуй, если небо
Можно запросто рукой достать
Ты не веришь? Значит ты там не был.
Ну, а нам случалось побывать
Все, сильнее, все злей порывы ветра
Бьются фар лимонные круги,
А за ними даже на полметра,
Не видать, как говорят, ни зги.
Не видать... А на сердце тревога,
Ферма где-то рядом, в двух шагах,
Но ушла, завьюжилась дорога...
Руки замерли на рычагах.
Вправо—вьюга, влево—тоже вьюга,

Огоньки не светятся вдали.
Четверо взглянули друг на друга
И вперед свой поезд повели.
Вдруг как-будто орудийный выстрел
Прогредел в бездонной пустоте...
Озеро! И из кабины быстро
Выпрыгнул один в седую степь.
Никогда бы они не сблизись с тракта
И не вьюга—не было б беды...
Где сейчас вот только полз их трактор —
Мрачно фары светят из воды
Мысли пулей... Там друзья в пучине,
Полушубок скинув, он нырнул...
Под водою дверь открыл в кабине
Руки другу внутрь протянул...
Вынырнули! Вьюга воет громко,
Ледяная черная вода,
Вытянуть товарища на кромку
Стоило немалого труда...
Вновь под воду—там второй и третий,
Вот уж и они на берегу...
Сквозь пургу и с ног валяющий ветер
Четверо товарищей бегут,
Пробежали расстояние быстро. *
Вот огней зовущих перепляс,
А быть может, это просто искры
У ребят посыпались из глаз?
Угол дома, дверь, тепло постели
Радости в словах не рассказать...
Их сердца и души потеплели...
У друзей росинки на глазах...
Юноши встречали вьюгу грудью.
Их поступок подвигу сродни...
Это просто рядовые будни,
До отъезда занятые дни

• • •

В небе звезды холодные гордые.
Да оглохшая тишина...
Я иду по ночному городу
И со мною идет луна.
Уж рассвет начинает шуриться,
Розовеет вдали восток...
Мы с луною идем по улицам
Как прохожие, ну и что!

Быль иль не быль то независимо,
Я о том задумался дне,
Когда люди с земными мыслями
Прогуляются по луне.

Огни полустанка

Вьюга ли воеет жестокая,
Тишь ли идет звеня,
Огни полустанка далекого
Манят опять меня.

Вижу я вновь: высокие
Березки бегут к реке,
Девушку синеокою
С желтым флажком в руке.

Ту, что смеялась приветливо,
Пальцем в шутку грозя,
Ту, что такая светлая,
Ту, что забыть нельзя.

Бродит луна одинокая,
Звездную ночь храня,
Огни полустанка далекого
Манят опять меня

Герои

Спустились сумерки рано.
Луч света сквозь тьму пролет
Дрожит полотно экрана,
Трещит задыхаясь движок
Взрывает врагов, погибая,
Солдат, что нам счастье сберег,
Свое затанув дыханье,
Глядит на экран паренек.
Тот самый, что сон презирая,
Свой трактор водил целиной,
Тот самый, что даже не знает,
Что он такой же герой.

Песня о Москве

Звезды на небе в беспорядке,
На земле голубой лунный свет.
Где-то плачет в ночи трехрядка,
Где-то песня звенит ей в ответ

Звуки льются, плывут крылатые.
Замирая в ночной синеве—
То поют сибирячки-девчата
О далекой и близкой Москве

И внимают им дальние сполохи.
Подпевают тихонько ветра,
«Если б знали вы, как мне дороги,
Подмосковные вечера»

Полюби меня вот такого...

Полюби меня вот такого—
Не спесивого, не красивого,
От весеннего ветра хмельного
И от знойного солнца счастливого.
Не гожусь я совсем в кумиры
И не славлюсь голосом звонким
Я тебя познакомлю с миром
И не славлюсь голосом звонким,
Расскажу я, как вечер строгий,
Гихий дождь, что листья колышет,
Смело входят в робкие строки,
А потом в них живут и дышат,
И я верю: услышишь ты
Мягких листьев в них шелестные
Я дарить буду, как цветы.
Тебе каждое стихотворенье,
Научу тебя солнце петь
Как к подругам идти и березам,
Научу тебя дождь любить,
Улыбаться крутым морозам,
Ничего в этом нет хвастливости
Ничего в этом нет озорного,
Не спесивого, не красивого,
Полюби меня вот такого.

И ю н ь

На степь ручьями бурными
Пролита бирюза,
А роща брызжет буйно:
Мне зеленью в глаза.
Осины серебристые,
Березки белобокие
Шумят тихонько листьями —
Все вдаль меня зовут.
И все леса далекие,
В ультрамарин одетые,
Хмельным теплом и ветрами
Навстречу мне плывут.

С о с н а

Первый раз этим солнечным летом
Повстречалась ты мне на пути.
О тебе мало песен пропето,
Но красивей тебя не найти.
Ты стоишь, словно правда, проста,
Словно юность, легка и стройна,
Вечно юная, вечно живая,
Как родная моя сторона.

Песня моей юности

В краю, где мы жили,
Где песню сложили
Густые шумят хлеба,
Но снова дороги,
Но, снова тревоги,—
Такая у нас судьба.

Метели свистели,
И годы летели,
Но юность каждый сберег.
И песенку эту
И радость победы,
И счастье трудных дорог.
Мы снова готовы,
К метелям суровым,
К жестоким морозным дням.
И к новым дорогам,
И к новым тревогам,
И к новым, готовы боям.

* * *

Первый хлеб

Клубы паровозного дыма
разорваны ветром
на клочья.
Разъезды проносятся мимо,
Скрываются быстро
за ночью...
Из самых различных районов
моей стороны
необъятной
ехали вместе со мною
совсем молодые
ребята.
Мы спали на жестких полках.
Мы домом считали вагоны.
Замешкавшись на остановках,
не раз
догоняли бегом их.
Мы страшно боялись остаться,
отстать,
не достигнув цели.
И нам начинало казаться,
что поезд наш
движется еле,
Что мы опоздаем к началу
И первыми будут другие...
Нам часто в те дни
вспоминались
родные и Гомель
и Киев.
Мы жили
и пели там песни,
учились,
любили,
мечтали.
Нам снилось ночами Полесье,

где жить мы спокойно не стали.
Ведь нет у нас права—
поверьте!
На месте сидеть,
сложив руки.
Недаром мы Партии дети!
Недаром мы Ленина внуки!
А Партия нам приказала:
«На целину поезжайте!
Стране нужно хлеба немало.
Как Лени, трудитесь,
Держайте!
Идите,
творцы новой жизни,
Народ никогда не забудет
ваш подвиг
во имя Отчизны,
Любить вас
и чтить будут люди».
И все,
кто сидеть не мог дома,
кто в жизнь был
всем сердцем влюбленный—
спешили с работы к райкомам,
а ночью садились в вагоны.
И им
в настоящее счастье
дороги все были открыты
Они не боялись ненастья
в краю том, людьми не обжитом

♦ ♦ ♦

Степь да степь,
куда ни кинешь оком,
и куда ни глянешь—
всюду снег.
Здесь, в степи,
суровой и широкой,
жили мы,
мечтая о весне.
Нас в палатке поселилось двое.
Тот, другой,
С кем жизнь меня свела, .

мне назвался просто:
«Барков Коля».
Был он из полесского села.
Сколько раз
с одной мы ели миски,
Сколько раз
не ели целый день!
На всю жизнь
он стал мне самым близким
среди всех
мной встреченных людей. .
За палаткой
март стоял морозный,
Ветер рвал все на своем пути,
Да бураны,
Завывая грозно,
не давали два шага пройти.
А работы—
посудите сами—
больше, чем по горло было всем:
Семена
со станции доставить,
подготовить технику к весне.
Для людей
жилища надо строить.
Запасись горючим
для машин.
Дело это вовсе не простое,
если нужно с ним еще спешить.
И не раз
за сотни километров,
день
и ночь до самого утра,
сквозь метели напролом
И ветры
комсомольцы гнали трактора.
Все трудялись.

рук не покладая,
позабыв про сон и отдых свой,
чтобы только эта степь немая
зажила по-новому весной,
чтоб земля,
лежавшая без дела,
изменила дикий облик свой,
чтоб над ней
колосья зашумели,
чтоб ее не звали
целиной.

Медленно
тянулись дни за днями.
Ждали мы, когда сойдут снега.
И, смирившись с новыми жильцами,
перестала завывать
пурга.

Веселее
Выглядели люди,
Чаще раздавался звонкий смех
«Погодите,
что еще здесь будет!
За год степь изменится совсем»,—
говорили все мы,
ожидая
с нетерпением весенних дней...

Все яснее становились дали
над простором будущих полей.
С каждым днем
теплее солнце грело.

И пришла желанная пора:
ранним утром
дружно зашумели
здесь весной
впервые трактора.
Превратился день в веселый
праздник,

Степь не видела такого за век
К песням новым,
звонким,
самым разным
в этот день

пришлось ей привыкать
Дул весенний
теплый ветер с юга,
В первый раз мы видели тогда
как тягулась вдаль
за первым плугом
первая сырая борозда
И мгновенно
радостное эхо
разнесло по краю эту весть
Сколько было шуток,
Сколько смеха,
Никаким статистикам не счесть!

* * *

КЗЫЛ-ЖАР

(Исторический очерк)

Кзыл жар — Красный овраг, — так издавна именовало казахское население наш город. И действительно, Петропавловск — город оврагов или логов, как их чаще у нас называют. Когда по улице Мира выезжаешь из города на северо-восток оставляя позади лягг механизмов и шум голосов на многочисленных строительных площадках этой далеко ушедшей в степь окраины города, к дороге начинают приближаться лога. Третий лог... Четвертый лог... И вот уже почти вплотную к дороге самый отдаленный из них — Пятый лог.

Похато уходящие вниз скаты лога поросли травой. Лишь изредка верхние слои, осылая, открывают ярко-красный глинистый грунт. Кзыл жар — Красный лог. Здесь, в невозможной и кажущейся скорбной тишине Пятого лога, это название приобретает особый смысл...

Одним из первых в Казахстане в ноябре 1917 года установил петропавловский пролетариат Советскую власть. Небольшая, но крепкая партийная организация и вновь избранный Городской Совет развернули кипучую деятельность. Уже к весне 1918 года Петропавловский Совет отменил частную собственность на крупную недвижимость, национализировал имущество ряда капиталистических фирм, вел большую хозяйственно-организационную и культурно-воспитательную работу. В эти замечательные дни шквал исторических событий выносил на высокий гребень революционной волны все наиболее стойкое, прекрасное, героическое, что было в народе.

Во многих городах нашей Родины люди с гордостью и признательностью вспоминают о земляках-героях, обессмертивших свое имя самоотверженной борьбой за власть Советов.

Были такие борцы и в нашем городе.

Вот Исидор Дмитриевич Дубынин. Фотография сохранила нам простой облик этого скуластого, спокойного человека с густым ежиком волос. В нем и впрямь не было никакого

внешнего облика. Ничего показного, эффектного. Но все знавшие Дубинина вспоминают о нем, как о человеке непреклонной революционной воли, высокого сознания своего долга, для которого жить — означало действовать.

Первый председатель Петропавловского горкома партии большевиков, комиссар здравоохранения города и уезда, организатор и член штаба первых красноармейских формирований на севере Казахстана, делегат от Петропавловска на III Всероссийском съезде Советов — вот кто такой Дубинин. Поистине поразительно, как много успел сделать этот внешне ничтожный, простой человек за недолгие месяцы его пребывания в нашем городе, куда он попал, как фельдшер военного лазарета.

А рядом с ним сколько еще было в те дни таких же простых людей. Вот совсем еще юная 18-летняя Настя Прокопишна, «Товарищ Настя», как тепло и уважительно называли ее старшие. Так же, как и других, высокое чувство долга перед народом привело ее, совсем еще юную гимназистку, в лагерь революции. Пошла горячей энергии, вся проникнутая деятельной любовью к товарищам по борьбе, Настя старалась быть примером всему. Являясь работником одного из отделов штаба красноармейских формирований, Настя интересовалась и качеством лица красноармейцев, и чистотой их казарм, в обесчещенном бойцов художественной и политической литературой. Это был человек, беззаветно преданный делу коммунизма, поистине героический прообраз комсомолки.

Большим уважением трудящихся Петропавловска и особенно женщины пользовалась, пришедшая нелегкую жизненную школу, Калюжная. Жизненные невзгоды не сломили ее. Строгая, деловая, сосредоточенная, она с радостью могла и попеть с молодежью любимые песни и утешить влившего в беду.

Разнообразны образы этих и других героических деятелей первых месяцев Советской власти в нашем городе, но всех их объединила беззаветная преданность делу революции, чистота помыслов, готовность к борьбе не на жизнь, а на смерть. А такая борьба предстояла.

Успехи Советской власти усиливали ненависть эксплуататоров, вызвали упорное сопротивление контрреволюционных элементов. Уже в середине марта ими была совершена попытка мятежа в Петропавловске, которую в тот же день подави-

ли рабочие, красногвардейские отряды. Однако на помощь внутренней контрреволюции приходят империалисты США, Англии и Франции, мечтавшие о Сибири и Казахстане, как «о самом большом призе со дня открытия обеих Америк», — как писали они в своих газетах. В качестве своего резерва империалисты использовали т. н. «Чехословацкий корпус», сформированный в России из военнопленных, бывших военнослужащих австро-венгерской армии. В мае 1918 года эшелоны этого корпуса с целью выезда на родину через наши дальневосточные порты длинной лентой эшелонов растянулись от Пензы до Владивостока.

25 мая командование корпуса после сговора с правительствами империалистических стран начало повсеместные выступления против Советской власти. 31 мая эшелоны корпуса, стоявшие на ст. Петропавловск, совместно с местными контрреволюционерами подняли в городе новый мятеж. Всю ночь длился упорный бой. На консервном заводе (мисокомбинат), на мещовом дворе (ныне территория МЛД), в центре города на Соборной (сейчас Октябрьской) площади красноармейские и красногвардейские отряды, возглавляемые большевиками, оказывали упорное сопротивление. Только к утру 1 июня оказалось превосходство мятежников в людях и вооружении, и Петропавловск перешел в их руки.

С первых же дней прихода к власти контрреволюционеры начали свирепую расправу над активными деятелями Советской власти. Днем и ночью проходили облавы, повальные обыски и аресты. Озверевшая толпа реакционеров растерзала па улице одного из видных петропавловских революционеров Карима Сутюшева. Места заключения не могли вместить всех арестованных, и их бросали в подвалы частных домов. Особая скученность создавалась в т. н. «белой тюрьме», куда сосредотачивали руководителей большевистской организации и членов Совета. Большая часть из них была закована в кандалы. В ночь с 9 на 10 июня заключенных внезапно разбудили. Началась перекличка. Двадцать два вызванных были выстроены по дворе. Их отвели в военно-полевой суд. Прошло всего несколько часов и судебная расправа была закончена.

Ранним утром 10 июня оставшиеся в тюрьме услышали звон кандалов, а затем два женских голоса — Настя Прохоричева и Калюжная запели. В утренней тишине отчетливо звучали слова: «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» Звуки

удалялись по направлению к Пятому логу и затем затихли. А вскоре до заключенных донеслось несколько залпов.

Прошло немного времени и во двор тюрьмы въехала машина, соскочившие с нее возбужденные офицеры сгрузили в углы кандалы и укатили. Все было кончено...

Так погибли за дело коммунизма, за власть Советов Дубынин, Шананин, Ицеровис, Быстрицкий, Кокшаров, Рыжов, Трацеский, Побелянский, Темлянец, Занкин, Землянский, Голубев, Коломийченко, Филиппенко, Идрисов, Зимин, Люстерник, А. Иванов, Гапон, Иванов, Калюжная, Прокопичева. Имеются сведения о том, что Дубынин был только ранен, но палачи живым закопали его в могилу.

18-летняя Настя Прокопичева, идя на смерть, нашла в себе силы нарвать по дороге к своей могиле несколько незабудок и спрятать в букетике записки к матери и к товарищам, которых она призывала продолжать борьбу. Один из надзирателей, присутствовавших при расстреле, передал этот букет и записки жене Дубынина, также находившейся в тюрьме.

Прошло менее полутора лет и части Красной Армии освободили Петропавловск. Советская власть была восстановлена. Началась подлинная история нашего города, становящегося ныне крупным экономическим и культурным центром Казахстана.

... Тихо в Пятом логу, лишь изредка доносится гул приглушенный расстоянием шум строек растущего Петропавловска. Легкий ветерок колышет траву, буйно растущую над редкими ярко-красными островами обнаженного глинистого грунта, которые издали кажутся пятнами крови, пролитой здесь союк лет тому назад за наше счастье, за нашу победу.

Сбылось!...

..Еще соломой крыты избы
И в городах коптит свеча.
Но путь народа к коммунизму
Предвидят гений Ильича.—
Путь тяжелейший,
Небывалый,

Путь, окропленный кровью алой,
Путь непомерного труда.
В пустынях видит он каналы,
В таежных дебрях города.
Он видит то,
Что вскоре будет,
Что мы должны еще постичь
Своей судьбы не знали люди,
Но видел судьбы их Ильич.
Пред ним солдаты
В шинели серой,
В суровом облике бойца
Ильич предвидит инженера
Плотин невиданных творца.

Батрак. На нем зипун в заплатках.
Ему пришедшему в лаптях,
Ему вести комбайн в богатых
В колхозных
Солпечных степях.
Как Ильича заботят дети!
Чем их кормить?
Во что одеть?
Им через пять десятилетий
До самых дальних звезд лететь.

Сбылось!
На 21 съезде
Сказал нам Ленинский ЦК.
Что путь—дорога
До созвездий
Теперь не так уж далека!

Когда-то
Нищая, босая
Россия в космос
Строит мост,
И в небо пригоршни бросает
Чудеснейших ярчайших звезд.

Мое богатство

У того — машина,
У того — домишко,
А мое богатство —
Записная книжка.
Серебром звенят в ней
Песни, что не слеты.
Радости и горя
Блещут самоцветы.
Записная книжка..
Что еще мне нужно.
Кроме солнца в небе.
Да хорошей дружбы
Да степных проселков,
Да людей веселых
В заводских поселках,
В придорожных селах!
В душах человеческих
Я ищу сиянье.
Все мое богатство
У меня в кармане.

Токарь

Он очень молод и покамест
Еще ничем не знаменит.
С неутомимыми руками
Подтянут, строг и деловит.
Влюблен всем сердцем, всей душой
В свою работу, в свой станок.
Находит счастье и большое
В труде рабочий паренек.
Зачем ему судьба иная?
Смахнул горячий пот с лица.

И завилась спираль стальная
И поползла из-под резца...
И вновь гудит станок послушно
Металл врезается в металл.
Металл не спросит, равнодушный
Устал ты или не устал,
Не выдержав в единоборстве
Он уступает лишь тому,
Кто силой воли и упорством
Становится подстага ему.
И токарь-паренек безусый,
Недавний школьник-выпускник
С пытливым взглядом.
С чубом русым.
В его стальную душу вник
Он очень молод и покамест
Еще ничем не значит,
Но я горжусь его руками,
Его умелыми руками,
Не слишком ловкими на вид

Скрипач

Был зал, как подсолнечник
Туго набит,
Был занавесь на двое вспорот

И вот уже сказка
Крылами звенит
В затихнувшем клубе шахтерон
..Пустынное море
Печальный мотив

В небе плывут альбатросы
И тихо поют
О нелегком пути
Угрюмую песню матросы
У песни—чужая,
Не русская речь.
Чужое, не русское горе
Упрямо скалистых
Касается плеч
Звезда беспокойного моря

Но вот задрожала,
Окрепнув, струна,
Наполнена буйною силой,
И грозно ударила
В скалы волна,
И молния зал ослепила.
И вспыхнул на перстне
Огнистый коралл—
Седой капитан у штурвала,
И бешеный ветер уносит корабль
На дальние острые скалы.
Норвегия...
Голос далекой судьбы...
Последний приказ капитана:
—На море никто
Не умрет без борьбы
Один на один с ураганом!
Ослепшее небо,
Лишь ветер ревет
Да море от края до края...
Но буря стихает,
И солнце встает,
Легко на лучи опираясь.
И белые чайки
Слетают, как сон,
На палубу старого брига.
А зал очарован,
А зал потрясен,
Бессмертною музыкой Грига.
Вот скрипка умолкла...
Но музыки вал
Бьет в стены концертного зала,
И буря оваций,
Затишье прорвав,
Ее продолжителем стала.
Овация шла,
Набирая разбег,
Как чайки, плескались руки.
На сцене—
Смущенный стоял человек,
Сжимая волшебницу звуков

И было, быть может.
Кому невдомек
Здесь, в зале, охваченном чувством.
Что путь музыканта
Отсюда пролег
К вершинам большого искусства.

· Прославим свой край

(Посвящается доярке первого
отделения Образцового совхоза
Валентине Куляпиной)

Она еще девочка с виду
В свои восемнадцать лет.
«Тебя ведь каждый обидит,
Не справишься, дочка, нет»
Но брови сжала упрямо.
Сказала, тревогу тая:
—Моя здесь работает мама.
У нее научилась я,
И вы мне скажите толком
Разве беда, что мала?
Я ведь уже комсомолка.
Ростом лишь не взяла.
И снова с просьбой во взгляде
—Давайте хоть нетелей.
Работать буду как надо.
Глядишь, подрасту скорей
Добилась, стала дояркой
Хоть и не без помех,
Но труд настойчивый, жаркий.
Первый принес успех.
Недавно она на слете
Сказала от фермы всей:
—Мы темпы утроем в работе,
Чтоб догнать США скорей.
—Правильно! Верно! Догоним! —
Из зала неслось в ответ.
Спросил секретарь райкома:
—А рязанцев догоним или нет?
Затянула платок потуже.

—Рязань потрудней, чем США.
Но чем мы рязанцев хуже?
У нас ведь та же душа.
Мы край свой тоже прославим.
Чтобы герои—куда ни глянь.
Америку вот обставим, —
Возьмемся и за Рязань.

• •

Письмо с целины

Далеко ты отсюда,
Ты еще не вставала с постели.
В палисаднике липы
Склонились у шиферных крыш.
А у нас трактора
Эту ночь до утра все гудели.
Нарушая густую июньскую тишь.
Месяц плыл, как верблюд,
По барханам безлюдной пустыни
И вагончик чернел
На краю покоренной земли.
Лишь в окошке одном
Тусклый свет,
Словно спелая дыня,
Да баян напевал свою песню вдали.
Где-то город родной наш
Также трудится крепко.
Не смолкают станки,
Как у нас дизеля в эту ночь.
И в кабине ДТ,
В телогрейке,
В промасленной кепке
Вспоминаю тебя я
И нашу любимую дочь
Еще рано вставать
Просыпаться тебе не положено
Спи спокойно,
Дочурку мою обними и укрой,
Я писал, что уж несколько
Домиков сложено,
А теперь я пишу:
Приезжайте скорее домой!

Степь

Над седыми
просторами наших полей
не курлычат еще журавли.
Там, где раньше гулял суховей.
Вижу море пшеницы вдали.
Гонит ветер
полову в стерню,
Пахнет хлебом из доброго теста.
Здесь пшеница
По гриву коню
Колос к колосу—
третьему тесно.
Ветер в озере
волны рябит.
Камыши,
загрустив, приумолкли,
Через них бы мне плыть
да и плыть,
тишину бы будить из двухстволки.
Пусть от нас
улетят журавли,
Это может на днях случиться,—
Я от этой целинной земли не уйду.
Как мне сердце велит,
Буду честно на ней трудиться.

• Осенней ранью

Хорошо, когда осенней ранью
над моей родимой стороной
пролетает с клеткотом гортанным
стая журавлей.

И озорной
мальчуган свистит в два пальца громко,
отдавая, так сказать, салют,
Смотрит он,

как темная тесемка
через небо тянется на юг...
А вокруг, вокруг поля без края,
на лугах и пастбищах стада.
И звенит,

как песня боевая,
Трудная
колхозная страда.
Комбайнер
напрягся у штурвала,
Смотрит вдаль,
на золотую рожь.

Радуетса—
ведь нигде, пожалуй,
столько хлеба в мире не найдешь.
Хлеба много!

Это значит—крепче
И сильнее Родина стократ.
Это значит—развернутся плечи
И от войн народы оградят.
Это значит, что еще чудесней
Будет жизнь в моем родном краю.
Это значит, что с народом вместе
Много песен
я еще спою!

Коммунист

Коммунист —
Это Родины
Верный солдат.
Он за все
Перед нею в ответе.
И не даром ему
Дан почетный
Мандат,
Воплощенный
В партийном билете.
Коммунист —
Это слесарь, шахтер.
Агроном,
Проводник
Самых смелых идей.
Он своим беззаветным,
Упорным трудом
Строит счастье
Для мирных людей.
Нашей Ленинской
Партии смелый боец.
Враг тиранов,
Друг мира и жизни,
Коммунист —
Это светлого завтра
Кузнец.
ОН — кузнец торжества
Коммунизма.

Переселенец

Кобыла шла натужно-тяжело,
Грудь целины сохой разрезая.
Кругом — земля.
На ней — голым-голо.
Лишь катунец несется, как борзая.
Как передать тот напряженный взгляд,
Что тупо устремлен себе под ноги?
Такие лучше справок говорят
Про тяготы, про нужды, про налоги.
Последний след румянца на щеках
Суровый труд переселенцев выпил.
С тех пор, как их с лопатами в руках
Пригнал с родной полтавщины Столыпин.
Как рассказать, что кончилась межа,
И мускулы ослабли под сорочкой?...
Какой-то однотонный звук мешал
Сосредоточиться над новой строчкой
Я вновь прислушался.
И вдруг узнал
Тот гул, донесшийся из-за забора;
За перелеском трактор разрезал
Последний клин целинного простора

Палатка

Построены и клуб, и магазины,
Последний гвоздь в крыльцо пекарни вбит.
И только в поле,
У цистерн с бензином,
Палатка одинокая стоит.
Овеяна неласковым дыханием
Ветров, гуляющих на целине,

Она белесет здесь напоминаясь
О первой, позабывшейся весне.
И новичкам, на очередь в столовой
Ворчать готовым добрых полчаса,
Она без слов рассказывает снова
О людях, что творили чудеса,
О днях, когда она была жилищем,
Столовой, клубом, школою подряд.
И вынг становится вкуснее пища,
Теплее голос, ласковее взгляд.
Стоят дома, готовые к морозам,
И в свете электрических огней
Стоит палатка на краю совхоза
Реликвией давно прошедших дней.

Над проектом

Сумерки сгустились за окном,
Разбежались фонари пунктирами.
Освещает лампа над столом
Новый дом с просторными квартирами
Пусть сегодня лишь его творцы
Знают —
Где и как он должен строиться.
Пусть сейчас еще его жильцы
К переезду даже не готовятся,
Но седой, упрямый человек,
До утра склонившийся над ватманом,
Увидал уже, как крыши снег
Одеялами окутал ватными.
Новоселов оживленный шум
Слышит он над сумерками окнами
Карандаш скользит по чертежу
Этажер и стен проводит линии
Инженер, снимая со стола
Свой чертеж, тесьмою перевязанный.
Слышат те хорошие слова,
Что о нем народом будут сказаны

Тогда, казалось, город был не страшен.
Он темен был.
Но был отнюдь не слеп.
Смотрели в небо очертанья башен
Темнела на фургонах надпись «Хлеб»
Он молча жил.
Пройдешь — и не заметят,
Что бой на подступах к нему идет,
Что в сумрачном и зыбком лунном свете
Сейчас ползут разведчики вперед.
Свет месяца на башни мягко падал,
И принимал весь город мирный вид.
Но выставлял вперед он зубья надолб,
И проволокой жесткой был обвит.
Во всех домах, казалось, свет погашен.
И только месяц зототил рога...
И город с виду был совсем не страшен.
Но лишь для друга,
А не для врага!

Загадка

Любит или не любит?
Вечная загадка,
Вечное сомненье —
Ждет или не ждет?
Может быть вздыхает
В темноте украдкой?
Может в милом сердце
Кто другой живет?
Вся земля покрыта
Вешними цветами,
И сомнений горечь
Обжигает кровь:
Вот она какая,
С первыми мечтами,
С первою тревогой
Первая любовь!
А без этой вечной,
Гложущей тревоги

Счастью ведь, пожалуй,
Полным не бывать!
К тем оно приходит,
Только к тем из многих,
Кто умеет верить
И умеет ждать.

В грустном ожиданьи
Жить порой несладко.
Но ведь счастье с бою
Человек берет...
Да живет на свете
Вечная загадка:
Любит иль не любит?
Ждет или не ждет?

Ручей

Березки, ветви нагибая,
Грустят на берегу ручья,
Там, где журчит, в реку впадая,
Его блестящая струя.
В широком водяном просторе
Теряются его следы.
Их не найти. Но будет в море
Хоть капля и его воды!

На трудной трассе

(Рассказ)

Леониду Петровичу не спалось. Едва утро заглянуло в широкие окна комнаты, он поднялся и, наскоро позавтракав, вышел на улицу.

В саду, шлепая тополиными листьями, разгуливал полновластным хозяином свежий ветер, нид головой грязным, измятым пологом висели тучи. «Этого еще недоставало, — глядя на небо, думал Леонид Петрович, досадливо морщась. — Не было печали... Погода, и та протря нас».

Леонид Петрович, поживаясь, втянул голову в поднятый воротник плаща и, чтобы успокоить нервы, решил посидеть в сквере. Сегодня велосипедные гонки. Заключительный день соревнований городской школьной спартакиады. От успешного выступления велосипедистов будет всецело зависеть судьба первого места в комплексном зачете. Так уж повелось за последние годы, что почетный титул чемпиона неизменно завоевывает команда Леонида Петровича. Но если в предыдущие годы победа давалась сравнительно легко, то на этой спартакиаде положение резко изменилось. День тому назад лучший гонщик команды Костя Егоров получил тяжелую травму на двадцатилятикилометровой дистанции и участвовать в дальнейших соревнованиях не мог. Остался только Виктор Яковенко; другого равного Косте не было. Десятиклассник Андрей Зотов, по убеждению Леонида Петровича, не мог быть полноценной заменой.

«Виктор — это то, что мне нужно. — рассуждал Леонид Петрович. — Ему я верю, а вот Зотов в такой день да еще пятьдесят километров вряд ли вытянет. А вдруг Виктора постигнет неудача, что же тогда будет? Зотов, если и дойдет до конца, то одним из последних и, стало быть, не видать нам первого места, как своих ушей. И кубок, кубок уплывет из школы! Да, мне без него хоть на глаза не показывайся директору».

Наступающий серый, угрюмый, неласковый день не обещал Леониду Петровичу ничего приятного, и трудно было сказать, разгуляется ли к середине дня погода.

На третьем километре загородного шоссе ветер рвет спор-

тивные стяги. До старта осталось несколько томительных минут. В последний раз проверяется техническое состояние машин, выслушиваются советы и напутствия тренеров.

Старательно массируя голень Виктора, Леонид Петрович наставляет:

— Ты, Витя, сразу же после старта вливайся в ведущую группу. Одному в этот ураган идти почти невозможно. А уж после поворота жми во всю, сил не жалея... На тебя только я надеюсь. Зотов, сам знаешь, слабоват.

Высокий, широкий в плечах, сильный, с упрямым подбородком и крутым надломом бровей Виктор Яковенко был на особом счету у Леонида Петровича. Тот ему многое прощал, многое, на что следовало бы обратить внимание. А вот шуплого, общительного и веселого говоруна Андрея Зотова, с бледным румянцем во всю щеку, учитель явно недолюбливал. Был с ним сух и сдержан.

— Скажу тебе, Витя, откровенно: мало у меня веры в Андриюшкины силы, — снизив голос до шепота, продолжал он, — жидковат для такого дня. Так что смотри в оба и будь осторожней. Кубок нужно удержать во что бы то ни стало.

Ниже среднего роста, лысеющий с затылка, с признаками определившейся полноты, с подвешенным на шею хронометром, Леонид Петрович производил сейчас впечатление хлопотливой дядюшки. А время, как нарочно, словно прекратило свой беспокойный бег. Даже крохотная секундная стрелка часов, прежде чем перескочить от одного деления к другому, кажется раздумывает: «А стоит ли это делать?».

Андрей не находил себе места. Безошибочно угадывая, что ему не доверяют, он пребывал в несвойственном для него подавленном состоянии. Подойти к Леониду Петровичу он по почему-то не решался, а сам Леонид Петрович давно взял себе за правило держать от себя на расстоянии бесперспективных спортсменов: хлопот много, а толку никакого. Лишь когда все велосипедисты были вызваны на старт, он подошел к Андрею и с отеческой снисходительностью похлопал по плечу:

— Ну, давай, Зотов, держись. Нелегко будет, предупреждаю, но на то он и спорт. Побеждают закалка и мужество. Присматривайся к бывалым ребятам, учись...

Андрея трясла предстартовая лихорадка, и он уже плохо понимал, что говорилось и делалось вокруг него. Сквозняком и напряженно он выслушал инструктаж главного судьи и поч-

ти механически оттолкнулся от дороги после команды стартера.

Одновременно с места рванула вперед целая лавина гонщиков, и на первых же метрах кто-то из новичков вильнул передним колесом в сторону, стукнулся о чужой велосипед и, падая сам, повалил еще несколько человек. Виктор, а за ним и Андрей стороной проскочили опасное место, и видевший все Леонид Петрович облегченно вздохнул. Вскоре велосипедисты растянулись длинной цепочкой. И когда кто-нибудь не выдержав взятого передним темпа, начинал отставать, цепочка рвалась на звенья. Кучно шла головная пятерка. Ее составляли как раз те самые «бывалые ребята», на которых намекал Леонид Петрович. Шли они дружно и ходко, держась друг друга, меняя через каждые сто метров лидера.

Однако, не пройдя и десяти километров, стал постепенно сдавать замыкающий группу велосипедист в голубой майке. Разрыв между ним и его товарищем рос с каждым метром все больше и больше. Выбыл из состязаний, получив прокол заднего колеса, незаменимый лидер в командных гонках, коротконогий крепыш Генка Веков. Он бережно положил машину у обочины дороги, содрал с головы шлем и с горечью стукнул им о землю.

Андрей настиг ведущую группу, когда она преодолевала единственный на трассе затяжной подъем. Запылавшиеся и мокрые, ребята с трудом поднимались на вершину увала. По серому от пыли лицу Виктора тек ручейками едкий пот, движения ног были вялые и медленные, а тусклый взгляд скользнул по Андрею совсем равнодушно. Выйдя вперед, Андрей долго лидировал, а когда, сам того не замечая, оторвался от группы, сразу почувствовал, как мышцы и суставы наливаются свинцом. Испугавшись этого, он безотчетно увеличил скорость, словно рассчитывая встречным ветром сбить с себя овладевшую им усталость, но ничего поделать не смог. Усталость непосильным грузом навалилась на плечи: лопило в пояснице, стучало в висках, к горлу подкатывалась тошнота. Ноги потеряли силу и упругость. Захотелось свернуть с дороги, бросить велосипед, самому распластаться на земле и ни о чем не думать. Друзья, преподаватели, его обязанность защищать спортивную честь школы — все потеряло теперь для Андрея всякий смысл, не трогало, не возбуждало. Никогда раньше не казался велосипед таким тяжелым.

«Не велосипед, а узбекская арба, — подумал со злостью Андрей, — не могли гоночный достать у шефов в обществе. Нет, хватит, слезу. Вот сейчас слезу. Ну, еще десять метров, вон до того камня, и шабаш, дальше ни шагу».

И все-таки с каким-то неиспытанным до сих пор упорством, с чувством окаменелости во всем теле, он продолжал давить на педали. Километровые столбики по его представлению стояли один от другого за тридевять земель, и каждый километр выглядел до неправдоподобия длинным. Неожиданно возник за спиной рокочущий звук мотоцикла. В коричневом берете, водонепроницаемый куртке подвезжал начальник дистанции. Поровнявшись с Андреем, сбросил газ и, повернув в его сторону покрытое пылью лицо, крикнул:

— Молодчина. Хорошо идешь. Второй покажешь обязательно.

Слова отбросило ветром, и будто не было только что рядом ни начальника дистанции, ни его дружеского ободрения.

Полнейшее безразличие ко всему овладело Андреем и лишь единственная мысль: «Сойти с дистанции, бросить спорт» — с раздражающей назойливостью сверлила мозг.

...Слева от дороги раскинулся березовый колок с манящим покоем и тишиной, с соблазнительными запахами лесных трав. Узкая малохоженная тропинка, пересекая шоссе, убегала, петляя, под кроны деревьев, звала за собой.

«Вот и все, — решает Андрей. — Больше не могу. Силы кончились. Сверну к лесу. Там хорошо: ни пыли, ни ветра. Отдохну вволю и будь что будет. Я не двуличный».

Но в то время, когда он уже начал притормаживать, готовясь свернуть на тропинку, до него донеслось: «Хорошо Второй покажешь...».

Густая краска стыда обожгла ему щеки, он чуть приподнял голову, расправил плечи и до боли закусил губы.

«Ведь хватит у меня сил, хватит. Это я смалодушничал, испугался. А на меня надеются, ждут».

И вновь приблизились и стали на свои места школа, друзья, преподаватели и кто-то еще из параллельного класса, с лучистым взглядом и пышной косой. И показалось Андрею, что велосипед стал легче, а колеса закрутились быстрее. Об усталости он старался не думать совсем, его начинал захватывать спортивный азарт и непреодолимое желание выйти

победителем в единоборстве с ветром. «Вперед, только вперед» — подхлестывал он себя. И вот, наконец, желанный поворот. С той же силой дул ветер, так же кружила, застилала глаза пыль на дороге, только все это из недавнего недруга превратилось теперь в его доброго союзника

Леонид Петрович отказывался верить себе, когда финишную черту пересек Андрей Зотов. Его глаза смотрели с недоверием и удивлением на циферблат секундомера, где был зафиксирован немыслимый для такой погоды результат. Следовало бы поздравить Андрея с его первой крупной победой, но пока Леонид Петрович решался, того уже увлекли ребята в крытую машину и наперебой угощали конфетами, водой. Только появление вдали Виктора Яковенко заметно оживило учителя. Он выскочил ему навстречу, замахал, как мальчишка руками, всячески призывая велосипедиста к бурному финишу. Когда Виктор остановился, он подбежал к нему обеспокоенный и спросил:

— Витя, ты почему отстал?

Виктор насулил брови и гневно тряхнул велосипед.

— С этой коломбины цепь то и дело слетала. Попробуй не отстань.

— И все-таки ты протел здорово,—убежденно заявил ликующий Андрей. — Ты занял второе место!

Виктор, не отвечая, отвернулся.

По окончании соревнований всех участников выстроили для объявления результатов.

— Первое место и звание чемпиона города,— провозгласил главный судья, —присуждается сильному и волевому гонщику Андрею Зотову. На второе место вышел Дмитрий Ткачев и третье занял Юрий Лаптев.

— Простите, судья, — перебил его с упреком и достоинством Леонид Петрович, — но вы оговорились. Второе место, насколько я понимаю в арифметике, завоевал не Дмитрий Ткачев, а мой ученик Виктор Яковенко.

— Нет, я не оговорился. Сегодня на соревнованиях произошел беспрецедентный случай: участник под номером 6, Яковенко, не дошел до поворотного пункта. Он отсиделся в

лесу, а потом незаметно пристроился к идущим обратно велосипедистам. Поступок Яковенко должен быть обсужден в школе, а мы будем ходатайствовать о его дисквалификации.

... Ночью Леониду Петровичу не спалось. Его удручали ускользнувшая возможность укрепить свое доброе имя дипломом первой степени и переходящим призом. Он не пытался даже заставить себя разобраться в происшедшем. Открытые глаза смотрели в потолок тупо и равнодушно. Монотонно тикали настенные часы с тяжелыми гирями.

Случай на целине

(Рассказ)

Май, предвечернее время. Из-за огромной синей тучи веером падают на землю снопы солнечных лучей. Щедро затитый их светом молчаливый лес кажется нарисованным. Вдоль леса, отливая жирным блеском пластов, простерлось только что вспаханное поле. Далеко, в конце загонки, стоит трактор. В предвечерней тишине хорошо слышно, как там кто-то, изредка постукивая молотком по металлу поет

О чем я мечтаю.

О чем я грущу.

Я стою посреди дороти, ожидаю попутную машину и слушаю песню. Поет парень. Он занят делом и, сам того не замечая, поет красиво, с душой. Кто он? Может, тот тракторист которого я ищу. Схожу — узнаю.

Иду напрямик через поле. Степь пахнет всеюми свежестью и пряным запахом дыма далекого костра. От трактора отходит человек. Он направляется к лесу, но, заметив меня останавливается, ожидает, потом машет рукой и кричит

— Скорее дождь польет

Запыхавшись, подложу к парню и... не верю глазам. Передо мной Владимир Маяковский!

Ему не больше двадцати пяти лет. Рослый широкоплечий, с густой гривой спадающих на лицо волос, из-под сурово сдвинутых бровей, пылливо смотрят карие глаза. Даже осанка Маяковского: стоит слегка расставив ноги, прочно, уверенно

— Что похож? — улыбнувшись, спросил парень и, шагнув мне навстречу, протянув широкую ладонь. — Смирнов Василий, тракторист. А вы не корреспондент будете? — спросил он, указывая глазами на торчавший у меня из кармана блокнот. Узнав что я селькор, и фельдшер, довольно засмеялся

— Вас, корреспондентов, за версту видать. Вы всегда пешком, и всегда напрямик, чтобы и к человеку быстрее подойти и незаметно на его работу посмотреть. Хитрющий народ!

Плохо проторенной дорогой, что протянулась между полями, мы пошли в бригадный стан. Василий шагает впереди меня размеренной поступью великана.

— Вот вы сказали, что вы и фельдшер и корреспондент. Выходит, два дела делаете. А почему?—спрашивает он, приостановившись, и тут же сам отвечает. — Мало кажется человеку того, что он делает. Вот я — мукомол по специальности. Дело важное, а для меня мало его. Возьму, бывало, муку в ладонь, а ладонь у меня видите какая, — он протянул мне большую, испачканную мазутом руку. — Гляжу я на измельченные в пыль вальцами зерна и стыдно мне, и зло берет за себя, что я этими ручищами чужой труд ошупываю. Бросил мельницу, приехал сюда. Сам пашу, сею — это по мне.

Неожиданно прямо над нами сверкнула молния.

— Сейчас дождь хлынет, — сказал Василий, взглянув на громящее небо. — Бежим. Недалеко старая землянка. — Он схватил меня за руку, и мы побежали. Дождь, падавший вначале крупными редкими каплями, полил густыми, упругими струями.

Василий радовался дождю. Он расстегнул ворот рубахи, подставляя ему лицо, грудь, затем снял ботинки, и, увлекая меня за собой, вприпрыжку побежал, озорно шлепая босыми ногами по лужам.

— Хорошо! Лей, шибче лей! Миллиарды с неба падают! — кричал тракторист, приветствуя разыгравшуюся стихию.

Мокрые до нитки, но веселые, возбужденные, мы забежали в землянку.

— Вот она, степь! — говорил Василий, выкручивая рубаху. — Пылью обдаст, дождем обмоет, приласкает солнцем. Хорошо!

Снаружи доносился приглушенный шум дождя. В землянке царил полумрак. Услышав людей, запыли попрыгавшие от дождя комары.

— Ух, кровопийцы! — шлепнул ладонью по голый спине, выругался Василий. — Чуть скроется солнце, стихнет ветер — комары тут как тут. И всегда так. — сердито сказал он. —

Обязательно рядом с хорошим живет что-то досадное, плохое. Живет, притаившись, спрятавшись, поджидая для себя удобного часу.

Присев на край скамейки, стоящей у маленького окна, Василий долго смотрел сквозь мокрое от дождя стекло на степь, потом неожиданно меняя тему разговора, спросил:

— Вы прожили больше меня, любили, наверно, и знаете, что такое любовь. Скажите, можно ли любить ту, которую ненавидишь за что-то?

— Кажется, комары испортили вам настроение. — сказал я, пытаясь с помощью шутки уйти от вопроса. Но подозревая, что этот вопрос его сильно беспокоит, уже серьезно добавил:

— Смотря за что ненавидишь.

Василий рывком поднялся со скамейки. Снова, как там, на поле, он стоял передо мной сильный, смелый, решительный. Глядя на меня в упор, сказал:

— Так и быть, расскажу вам об этом

Мы познакомились с ней в вагоне, по пути из Москвы, — начал Василий. — Поезд только вышел со станции. Ночь была лунная, морозная. Темные клубы дыма из паровой трубы бросали извивающуюся тень на снег, рядом с вагонами, и от этого казалось, что тень гонится за составом.

Мы, каждый у своего окна, стояли в коридоре вагона.

— Смотрите! — указывая на тень, сказала она, — похоже, что эта дымная змея нас преследует.

Я согласился и перешел к ее окну.

— Вот так и в жизни бывает, — продолжала она, словно разговаривая сама с собой. — Идет человек своей дорогой, работает, а за ним поднимается облако всяких жизненных неприятностей: ошибки, семейные распри, козни завистников.

Она тяжело вздохнула, прижалась лицом к окну. Я подумал: у этой девушки какое-то горе. Ей надо помочь, и я спросил ее:

— Как вас зовут?

Она отпрянула от окна и не то удивленно, не то испуганно посмотрела на меня, потом, смутившись, сказала:

— Люда. Вы... Не беспокойтесь. Это я так.. Бывает ведь, что человеку грустно...

Потом я узнал, что это было не так, что она действительно бежала от преследующего ее «облака ошибок». Но, как говорится, от себя не уйдешь. Она собиралась на целине начать новую жизнь, считая, что перемена обстановки и новые знакомые перевернут все прошлое. Ее историю, печальную и чехорощую, я со временем узнал до мельчайших подробностей. Нет надобности и мне ее вам пересказывать. Василий поправил волосы, перекусил попавшую под руку соломинку.

Правда меня и тогда несколько смущала ее одежда и чуждость. На ней был костюм необычайного покроя и цвета. Непомерно широкая и длинная накидка колоколом свисала над конусообразной и короткой юбкой. Костюм был шит из шерстяной ярко-желтой ткани. Голубые глаза девушки обрамляла синева, а черные, крашенные ресницы и такие же, с характерным кривым изломом брови, затеняя живой блеск глаз, придавали им некоторую загадочность.

Разговаривая, она мило улыбалась, слегка приоткрывая розовые, припухшие губы. Мягкие золотистые волосы пышной россыпью локонов спадали на ее плечи, но так что сквозь них были видны и маленькие мочки ушей и грациозный чистый шею.

— Вы на целину? — спросил я ее.

— Угадали, — сказала она, улыбаясь, и, в свою очередь, спросила: — Я разве похожа на целинницу?

Я сказал, что не совсем похожи, и она весело рассмеялась.

— А знаете, на целине нужны разные люди, — заговорила она, помолчав. — Вас удивляет моя внешность? Я портница. Но не просто портница, а, как бы это вам объяснить точнее, — портной-модельер, художник. Думаю, что на целине мне найдется работа. — Скажите, Василий, — задумчиво глядя в окно, спросила она, — вы любите красоту? Не ту красоту, что ласкает глаз, не вызывает особых чувств, а красоту, от которой захватывает дух?

Признаюсь, я тогда не понимал ее, не понимал, о какой она говорит красоте. Она мне слишком иррациальна и казалась олицетворением той красоты, о которой спрашивала. Я подумал, действительно целине нужны разные люди, которые могли бы одним присутствием делать там жизнь красивой.

— В какое место вы едете? — спросил я.

— Я еще сама не знаю. — почему-то грустно ответила

— Поедем вместе, — предложил я и, помню, смутился, покраснел. Она взглянула на меня, взяла меня за руку и, слегка пожав ее, сказала:

— Поедем. Вы мне нравитесь.

В то время я был несказанно рад, а сейчас очень сожалею, что так случилось. Первую неприятность, которую принесло мне это знакомство, я получил через два часа после нашей встречи.

Мы прогуливались по перрону какой-то станции. Опершись мне на руку, Люда шла не спеша и несколько отставала

— Смотрите, стилиага! — услышал я за спиной чей-то шепот. — Он-то с виду хороший парень, а таскает за собой такую дрянь.

Люда, услышав это, деланно засмеялась, потом вдруг, круто повернувшись, вlepила пощечину одному из идущих сзади нас парней.

Я не дрался с ребятами и даже не пытался ее защищать, так как никто на нас не нападал. Ребята быстро ушли, но зато с каким презрением они посмотрели на меня! А она целый вечер твердила мне:

— Как хорошо, что мы встретились. Вы такой сильный, что при вас меня никто не посмеет обидеть.

Потом неприятности посыпались градом. Всюду, где бы мы не были, я слышал насмешки, грубые оскорбительные памеки. Меня это злило. Я сам начал плохо относиться к людям, считал, что нас окружают невежды. Но все это было только началом.

Мы приехали на усадьбу совхоза, жила в палатках. Она легко переносила все трудности нашего быта. Как бы ни было холодно, грязно, пыльно, она всегда была прибранной, старательно причесанной и чисто одетой, выделялась среди других.

Вскоре ей поручили создать в совхозе портняжную мастерскую. И через некоторое время на девушках появились неимоверных фасонов и расцветок кофточки, платья, жакетки.

Цвета одежды, их сочетание были самые невероятные. Они так же, как и форма, подчеркивали или тушили то, что считала Люда красивым или некрасивым в девушках. Вместе с этим появились своеобразные прически, служившие той же цели. Многих девчат одежда и прически так меняли, что их цельзя было узнать.

Была у меня прицепщицей хорошая дивчина — Настя. Делаю я трактору перетяжку; не ее это забота, а она всегда мне помогает.

— Давай, Васек, — говорит, — побыстрее ремсит кончать, а то стоим, а другие пашут.

Потом однажды не вышла на работу. Пошел к ней домой. — В чем дело? — спрашиваю. Виновато улыбаясь, мнется, руки прячет.

— Не обижайся, — говорит, — хочу проситься у директора на другую работу. Люда твоя советует руки побережь. Сам знаешь, что такое для девушки красивые руки.

— Да ты что, — кричу, — в самом деле!

— Эх, Вася! — корит она меня. — Небось сам за красивой ухаживаешь, а и-то что, не могу быть такой?

Как все кончилось, уже не помню. Я нашел Люду у озера. Она сидела на песке, румяная, свежая, красивая.

Я был очень сурдит и старался высказать ей все неболевшее. К тому времени мне казалось, я уже понял «природу» стилига, их уродливую сущность мелких и лишних в жизни людишек. И я об этом говорил ей прямо, может быть, даже грубо, зло. Но то, что она сказала мне в ответ, было чудовищным. — Не надо ругаться, мой милый, — попросила она со свойственным ей деланным спокойствием и вкрадчивой лаской. — Я понимаю, ты устал, тебе тяжело. У вас там гнутся лемешные стойки, пересохший солонец съедает лемехи. Но при чем же здесь я, твой друг? И вообще ты односторонне понимаешь жизнь, дорогой. Ты слишком прямой, и от этого немного груб. Но я тебе прощаю. Ты в этой степной пустыне видишь и будущее, и настоящее. Но пойми, не все так могут. Определенная часть людей, и я отношу себя к ним, мыслит и живет абстракциями. Их пугает, угнетает действительность с ее бытовыми трудностями, производственными идеями, которыми нет конца, которые заслоняют собой личную жизнь. Мы создаем себе иной мир, мир чувств, отвлеченных понятий.

Она никогда со мной так не говорила. Она раньше мне казалась гораздо глупее, легкомысленней, и я именно за счет легкомыслия относил ее причуды с одеждой, и то, что она называла себя художником, и манеру держаться. Но сейчас передо мной во весь рост встал умный, красивый внешне, мой враг. А она, угадывая мои мысли, продолжала:

— Большинство стилига — слабые подражатели более

сильным натурам. Впрочем, это наблюдается не только у нас. Вот хотя бы взять тебя...

Она оценивающе прощупала меня глазами, и я заметил в ее улыбке насмешку. — Ты считаешь, что ты самостоятельная личность, а ведь ты относишься к определенному типу людей и подражаешь.

— Ты подражаешь Маяковскому! Ты на него похож! Вот если носить волосы вот так, — и она, запустив в мои волосы пальцы, изменила мне прическу. — Если тебе слегка нахмурить брови и чуть склонить вперед голову, ты — Маяковский! Так вот, откуда у тебя эта грубая весомость, эта сила!...

Дождь перестал. Мы вышли из землянки. Заходящее солнце щедро освещало умятые деревья, траву. От вспаханного поля поднимался пар. Временами в верхних кудрявых берез, словно играя, пролетал ветер. Березы встряхивались, роняя на землю густую капель воды и тихо шумели листвой. Взмыв в поднебесье пели жаворонки. Василий расправил широкие плечи, шумно вдохнул пахучий весенний воздух, сказал:

— Хорошо здесь жить и работать. — И, словно догадываясь, о чем я хочу спросить у него, добавил: — А она уехала. Таким везде плохо. Они мечутся по земле, надеясь уйти от плохого прошлого, забывая, что это плохое возьмат за собой в своих чемоданах, в душе...

Минут пять мы шли молча. Потом я спросил:

— А где сейчас, Настенька, ваша прицепщица? Что с ней?

— Замуж вышла Настенька. Муж у нее тоже тракторист, с ним работает. Жалеет ее муж, руки ее бережет: в перчатках она работает. Лучшие духи ей покупает. И, вообще, правильно он делает. Красота женщины украшает жизнь. И кому же ее беречь, эту красоту, как не нам, мужьям, мужьям. — И снова в его голосе появилась грусть сожаления. — Да, я похож на Маяковского, как похож сын на хорошего отца, внешне и, может быть, не только внешне. — сказал задумчиво Василий. Я горжусь этим сходством, но я не подражаю Маяковскому. Он писал стихи, я паху землю, а если мы делаем это одинаково хорошо, то это просто совпадение. Я правду говорю?

— Правду, — сказал я, думая о том, что он своим рассказом сам ответил на вопрос, заданный мне

К А Н В А

(Рассказ)

У нас большая семья, и все мы, включая маму и папу, работаем в совхозе. Тихая днем — к вечеру, наша квартира уподобляется улью. Мы все приходим с работы. Из детсада приводят малышей. Всяк начинает свое домашнее дело, рассказывает о новостях дня. У нас шумно и весело.

Почти каждый день в этот час к нам приходит соседка, жена главного агронома совхоза. Она худая, бледная и грустная, отчего кажется усталой, хотя нигде не работает. Зовут ее Серафимой Павловной.

Поздоровавшись, она всегда говорит:

— Я снова к вам со своей работой. Посижу, повышиваю — можно?

Мама у нас гостеприимная, спешит дать ей стул и всегда извиняется за беспорядок в доме. Серафима Павловна садится у окна, разворачивает свою «работу» — круглые ляльцы, на которых натянута стандартная канва для вышивки. Мне хорошо знакома эта канва. Бледными красками на белой материи нарисованы контуры огромного букета алых роз. От времени краска вытерлась и рисунок стал еле виден. Я заметил, что Серафима Павловна приходит к нам не вышивать, а потому, что ей скучно.

Очевидно, ей хорошо у нас, и она, среди шума и говора большой семьи, отдыхает от тишины и скуки своих хорошо обставленных, но безлюдных комнат. Детей у Серафимы Павловны нет. В молодости она была красивой, любила жить «вольню и свободно» поэтому «берегла себя от детей», а потом уже и хотела их иметь, но увя... не помогли даже доктора.

В том, что она скучает, что она одинока и несчастлива, Серафима Павловна не признается.

— Клавдия Петровна! — говорит она маме, — могу похвастать, мой Кузя покупает телевизор. Я говорю: зачем, мы живем за сто километров от телецентра, может, волна не дойти... А он: «Кушим, душенька, куда нам деньги девать? Обуты и одеты, в квартире обстановка... Куплю, смотри, просвещайся».

И Серафима Павловна долго на все лады расхваливает своего мужа, новую чернобурку или капроновые чулки с контурной пяткой, каких нет еще в нашем магазине. Рассказывает и, не замечая того, сама устало вздыхает.

Кто не знает жизни Серафимы Павловны, тот, глядя на ее зеркальный шкаф, коврики и чернобурку, может подумать, что она и правда живет счастливо. Но наша мама, разглядывая как-то забытую Серафимой Павловной «работу», сказала:

— Бедная женщина! У нее жизнь, что эта канва. С виду вроде и цветы, а на самом деле одни контуры, нет в них красок жизни.

Перевоспитался

Жил в колхозе с давних пор
Старый знахарь дед Егор.
Не Егор — профессор просто.
И, наверное, потому
Боль, простуда и короста
Подчинялись все ему.
На дворе морозно стало
Не сберегся или как...
Хворь к «профессору» пристала,
Сдал Егорушка, обмяк,
У избы народ толпится
(Дело было в выходной)
Может быть, звонить в больницу?
Простонал в ответ больной:
— Это все исчадьё ада,
Мне совсем не по нутру.
И врачей на дух не надо,
Бог не выдаст — не помру.
Продержался две недели.
Обтянуло щеки, рот,
Не встает старик с постели...
Ни настойка из растений,
Ни молитва не берет.
Видит старый — дело плохо,
Отвернулся, значит, бог,
Покряхтел, понял, поохал
И в райцентр, в больницу лег
Через месяц — вот те раз!
Снова дедка — первый класс..
Прошагал по всей деревне,
Не подняв от полу глаз.
Окончательно наш дед
Потерял авторитет,
На двери прибил табличку:
Не стучать,
Приема нет.

ЛЮДИ ЦЕЛИНЫ

(Очерки)

1. Улица семьи ЖИГАЛОВЫХ

По смятым нивам, усаженным копнами обильной соломы, нет-нет да и перебежит гонимое ветром, выросшее на невспаханном клочке недавней целины, пережати-поле. Бежит оно колючим, устрашающим клубком, словно символ былого безлюдья и дикости этих обширных краев. И смотришь в такую минуту на слабо желтеющее, тянущееся во все стороны осеннего горизонта жнивье с благодарной радостью: здесь теперь прочно занял место человек, а вместе с ним — хлеб, благодатная пшеница.

А хлеб, как говорят в народе, всему голова, богатство Родины.

И горят в степном раздолье по ночам веселые огни новых поселков, в которых живут люди, горячо откликнувшиеся на зов партии, решительные, упрямые и трудолюбивые, превратившие тысячелетнюю непасть в богатые нивы. И в каждом поселке есть клубы, больницы, магазины, есть улицы с ласково льющими электрический свет из окон стройными жилими домами. Ленинградская, Московская, Кубанская, Украинская, Ярославская — сколько их с такими названиями в степных поселках улиц!

И среди многих таких улиц, носящих, как правило, «географические» названия, нам довелось встретить одну, которую новоселы с уважением имеют улицы Жигаловых. Находится она в совхозе «Молодежный».

Собственно, это даже не улица, а переулок из десяти домов, и опирается он, взяв начало от центральной магистрали хорошо обжитого поселка, в живописный березовый колос. Но переулок тот в совхозе по-своему знаменит. Из уст не одного человека в разговорах можно слышать:

- - Братья Жигаловы...
- На улице Жигаловых.

И, знакомясь подробнее, узнаешь интересную историю сплоченной и трудолюбивой советской семьи, семья потомственных хлеборобов и механизаторов, покорителей целины — Жигаловых.

II.

Это было в начале зимы 1954 года. Выпали первые снега, ударяли сильные морозы. На станцию Булаево, как и в феврале и марте, с поездов новые и новые люди, разгружались трактора, автомашины, сборные дома.

Андрей Жигалов, коренастый парень лет 25-ти с внимательными серыми глазами, одетый в ватную телогрейку и брюки, пришедшая на станции новенький «ДТ-54», приговаривал:

— Ну, вот и все! Прицепим вагончик и айда в степь, на целину!

Приехавший на днях из Москвы директор будущего совхоза Павел Иванович Тетерин поручил Андрею и его товарищам Василию Наумову, Николаю Челуснову и Ивану Гладких доставить к озеру «Сасык-Куль» первые вагончики, обоживаться там и начать жизнь нового хозяйства.

— Поручаю это именно вам, — говорил директор, — потому что вы все опытные механизаторы да к тому же сибиряки. Суровые здесь места — придется за зиму немало пережить. Надеюсь на вас.

— Не беспокойтесь, Павел Иванович, справимся, — отвечали механизаторы.

Едва ли директор догадывался тогда, что этих четырех различных по характеру и судьбам людей объединяют тесные дружеские связи, сердечная спайка. Василий Наумов, женатый лет пять тому назад на сестре Андрея — Лидии, был, собственно, родственником Жигаловых. Трудно теперь сказать, кто первым из них поддал мысль о переезде на целину или заканчивавший службу в Советской Армии Василий Наумов, или комбайнер Медвенской МТС Омской области Андрей Жигалов. Но получилось так, что оба с комсомольскими путевками прибыли в Северный Казахстан одновременно. А Николай Челуснов последовал на целину за своим другом

однопольчанином Наумовым и, приехав, женился на его двадцатилетней свояченице — Марии и тоже слился таким образом с семейством Жигаловых. Челуснова привлекли в Марии свойственные ее братьям стойкий характер, трудолюбие, бесстрашие перед будущим. С Наумовым вместе же приехал с Дальнего Востока еще один друг — тракторист Иван Гладких

Четверка первых жителей «Молодежного» пристала к березовым рощам, что находятся рядом с озером «Саснх-Куль» уже поздней ночью. Не на шутку разыгравшийся бурани хлестал о дощатые бока вагончиков, выдувал тепло, исходящее от железной печурки. Стонали березовые колки.

Уставшие, долго блудившие по снеговому бездорожью ребята, наверно, и не думали о том, что в эту ночь зарождается жизнь еще одного поселка на казахстанской целине. А кто знал об этом? Разве только директор будущего совхоза, беспокоясь, думая о том, как добралась до места первая четверка патриотов-добровольцев, так просто и деловито взявшихся за воплощение в жизнь большой идеи партии по созданию новых зерновых хозяйств.

Утром буран затих. Продрогшие новоселы принесли чашу, развели огонь в печурке, умылись снегом. Не спеша позавтракали. Запивая еду горячей водой из кружки, Николай Челуснов задумчиво произнес:

— Места-то хорошие, ничего не скажешь. Только нелегко будет всю зиму-то в вагончиках..

— Работать будем — не замерзнем. — бодро откликнулся Андрей. — Незаметно и весна придет... А там строиться начнем, целину засеем.

— Это — факт, — согласился Челуснов.

— Заживем, пожалуй, здорово, — продолжал Андрей, — Скоро браток из армии прибудет. Он как-то писал мне, что тоже подумывает о целинных землях. А я ему, Ивану-то, сразу же — письмо; съжай, дескать, к нам, в совхоз, вместе будем работать. Специальность у него нужная — шофер.

...И Иван не заставил себя долго ждать. Он приехал в «Молодежный» в январе. Теперь здесь стоял целый городок из вагончиков, которые выстроились в настоящую, хотя и небольшую улицу. Дыжки, поднимающиеся из узких железных

труб в морозное небо, тропки, вытоптанные в глубоком и рыхлом снегу, приветливые, оживленные лица — все это понравилось Ивану, создавая впечатление обжитости и даже искомого уюта в этом бесхитростном селении. В дирекцию Ивана встретили приветливо.

— Опять Жигалов? — спросил директор, рассматривая открытое сероглазое лицо парня. — Давай, давай — Жигаловы как будто неплохой народ...

— Мы люди работающие, — ответил Иван. — Нас семеро братьев, три сестры, три зятя, да отец и мать и — все хлебопашцы. Погодите немного, все сюда слетимся.

И слетелся.

Максим Дементьевич Жигалов, глава большой трудовой семьи, несмотря на свои 66 лет, с некоторой завистью и задором следил за своими сыновьями, их стремлением к нови, целине. Не надо было молодым Жигаловым уговаривать и убеждать отца. Старый хлебороб и сам чувствовал, что там, на целинных землях, делается необыкновенное дело — становится явью золотая мечта крестьянина.

Переселенец давних царских времен, Максим Дементьевич, помнит, как на лошадаках пересекали с отцом и односельчанами тысячеверстные степные равнины, ница хлебородных земель. Ведь об этих землях с мучительной мечтой говорили мужики далеких российских губерний: «Там, в этом чудесной стране: картошка — двугривенный, хлеб — четвертак, мясо — три копейки, лес — даром берить!». Но подобной страны обетованной переселенцы не нашли. Разве забыть Максиму Дементьевичу, ценою каких трудов и потерь обосновались земляки-черниговцы на нетронутых сибирских землях. Помощи от государства не было никакой. Ковырялся крестьянин на целине, прежде чем получить урожай, своей жалкой совиною два три года на какой-то десятине.

А сейчас, — поди же ты! Десятки, сотни тысяч гектаров целины одним духом поднимают, выращивают из них невиданные хлеба, строят, словно в сказке, прекрасные поселки. Как не поехать туда, где это делается! Хлебороб-то стал большим человеком! О нем песни поют, книги пишут, ему выдают ордена, присваивают званья героя. После недолгих раздумий Максим Дементьевич решительно сказал своей же-

не:

— Поедем, старуха! Потеплеет, и тронемся в путь.

Аксинья Григорьевна не возражала.

Старики Жигаловы с двумя взрослыми сыновьями Владимиром и Михаилом переселились в совхоз, когда шел там весенний сев. Не привыкшие сидеть без дела, они сразу же впряглись в работу. Максим Дементьевич стал плотником, а Владимир и Михаил, имевшие механизаторские специальности, включились в сев. Одновременно Жигаловы приступили к строительству первых своих домов.

Дни шли за днями в возбужденном трудовом упорстве.

Когда совхоз отселялся, семья Жигаловых отпраздновала первую свадьбу на пелине. Женится Иван на агрономе Лине Калиничевой, девушке из Курской области. А тут произошло еще одно замечательное событие: жена Андрея — Евдокия родила хорошенькую девочку Валентину. Это был первый ребенок, увидевший свет в новом совхозе. Текла жизнь полнокровная, интересная, богатая событиями.

Наконец, через год в совхозе появился старший сын Жигаловых — Геннадий с женой и детьми, а несколько лет спустя — Николай с женой и двумя детьми. Новых Жигаловых в совхозе приняли с распростертыми объятиями: оба комбайнеры и с многолетним опытом, оба трудолюбивы.

— Очень кстати, — говорил партторг совхоза, глядя на открытые, сероглазые лица братьев. — Как раз комбайнеры нужны нам! Вырастет нишче, по всем приметам, богатый урожай.

— Где хозяин ходит, там и хлеб уродится. — с мягкой жигаловской улыбкой ответил один из братьев.

Дружная, сплоченная семья Жигаловых прочно, навсегда оседала в совхозе. Единой артелью выстроила она пятистенные рубленые дома Андрею, Николаю, Геннадию, Ивану, Наумову и Челуснову. Дирекция совхоза выдала ссуду 34 тысячи рублей, помогла строительным лесом, кровлей, транспортом.

Так появилась в «Молодежном» улица с необычным названием — улица Жигаловых.

III

Шла жатва. Аксинья Григорьевна в горнице нянчилась с внучатами, снесенными сюда дочерьми и невестками. 15 представителей уже насчитывало третье поколение Жигаловых.

Максим Дементьевич только что вернулся с поля, управившись с плотницкими делами, он ездил туда навестить Андрея. Беспокойный старик обнаружил неладное: у одного из комбайнов сцепа Андрея сломался косогон.

— Как же так неосторожно работаешь? — накинулся старик на сына. — Пока ремонт, то да се, — у тебя и день пропал.

— Жду летучку, — виновато оправдывался Андрей.

— Тыфу! Летучку! — сердито передразнил комбайнера отец и быстро зашагал прочь.

Вернувшись домой, он срочно послал Аксинью Григорьевну к жене Геннадия — Антониде:

— У Геннаши обязательно должен быть косогон. — сказал он. — Пусть даст. Каждый час дорог.

Геннадий был запасливым механизатором. Косогона у него нашлось целых два. Но Антонида не решилась отдать один из них свекрови: «А вдруг эти детали потребуются мужу самому!» Аксинья Григорьевна вернулась с пустыми руками домой. Тогда рассерженный Максим Дементьевич отправился к Антониде самолично.

— Ты что, Тоня, думаешь жить одна на свете? — запальчиво проговорил старик. — Разве тебе честь Жигаловых не торога? Нехорошо делаешь, Антонида, ой, как нехорошо!

Смушенная невестка с готовностью протянула Максиму Дементьевичу косогон, приговаривая:

— Что вы, батя! Я думала, что подожду Геннашу. Он ведь хозяин.

Не прошло и часа, а Андрей, поставив на свой комбайн новый косогон, повел агрегат по золотящейся густой пшенице. Отец вернулся от сына довольный и успокоенный.

И вот так почти каждый день глава большой жигаловской семьи поднимает ее честь, умножает ее трудовую славу. И идет в совхозе «Молодежном» о сыновьях и зятях Максима Дементьевича добрая слава. Геннадий и Николай держат первые места в жатве богатого урожая. Доски социалистического соревнования, что вывешаны на бригадных вагончиках, так и начинаются с фамилии Жигаловых. Геннадий скашивает в день, вместо двенадцати по 25—30 гектаров и намлачивает по 350—500 центнеров зерна. Самый младший Жигалов — Михаил, который помощником у Геннадия, тоже подает большие надежды. Он не хуже брата умеет водить ком-

байн, когда тот на часок—другой приляжет отдохнуть. Зимой Михаил обязательно поедет в училище механизаторов. Это уже решено семейным советом.

С трактора на комбайн пересел и муж Марии — Николай Челуснов. Он тоже перевыполняет нормы, и помогает ему дельными советами свояк Николай, что водит свой агрегат на соседнем поле.

— Эх, чуток бы помоложе, сам бы сел на комбайн, — взволнованно поговаривал, любуясь работой своих детей. Максим Дементьевич.

...Однажды на улице Жигаловых появилось все совхозное начальство: директор, секретарь партийной организации, председатель рабочкома. Максим Дементьевич и его жена провели гостей в чисто убранную горницу.

— Мы пришли, чтобы поблагодарить вас от души, — сказал директор. — Хороших новоселов вы вырастили Родиные. Умелых, работающих!...

— Работные дети — отцу хлеба, — с довольной ухмылкой промолвил Максим Дементьевич и, смущенно покашливая, провел пальцем по седоватым щеткам усов.

— И не только отцу, а всему совхозу, Советскому государству, — добавил парторг. — Сегодня мы за образцовую работу на уборке урожая выдали премии вашим орлам — Геннадию, Николаю, Ивану, Михаилу и зятю Наумову. Кроме того, Геннадий и Николай награждены значками «Отличник социалистического соревнования» Министерства совхозов СССР.

— Душевное спасибо за внимание, — отвечал еще более растроганный старик. — Только я что-то про Андрея не слышу. Отстал что ли?

— Да, чуть-чуть не дотянул.

— Эх, он чертяка — так я и знал. Вот поеду к Андрею сам, проведу с ним «планерку» — догонит, обязательно догонит! Жигаловым не приставало отставать.

Максиму Дементьевичу и его жене не хотелось быстро отпускать гостей. Аксинья Григорьевна достала из комода и положила на стол Золотую звезду Матери-Героини. Руководители совхоза с глубоким уважением смотрели на скромную, пожилую женщину-труженицу, воспитавшую 11 сыновей и дочерей, доблестных в труде, честных и неукротимых в жизни.

В душе Максима Дементьевича вдруг проснулось что-то

большое, волнующее, как бы выжили наружу все его заветные думы, которые лелеял он, быть может, всю жизнь.

— Выходит, вы нашей семьей довольны? — приподнято заговорил старик. — И мы не жалеём, что переехали, тоже довольны. Обосновались неплохо. Семья наша, как видите, заняла целую улицу, и вот сегодня, можно сказать, на ней праздник. Очень хорошо на целинных землях жить становится. Давеча был на току, а там хлебушка — горы! Ну, думаю, тут есть и наша жигаловская доля. Сердце так и заиграло! Шутка сказать, миллион пудов.

Максим Дементьевич минуту помолчал, затем хитро улыбнулся и добавил:

— Есть у нас еще один сынок — Володька. Помните, прошлой осенью ушел в армию? А сейчас он танкист. А раз он танкист, то и заправский механизатор. Пишет, что вернется только в «Молодежный». Сам приедет и товарищей привезет. Еще не одним домом станет больше на жигаловской улице. И суды просить не станем, уж поверьте. Жигаловы не бросают слов на ветер.

Октябрь 1956 год

2. БРИГАДА БРАТЬЕВ КАРГИНЫХ

Серафимовские механизаторы не без смеха вспоминают недоразумение, приключившееся год назад во время жаги с одним из районных уполномоченных в первой тракторной полеводческой бригаде. Приезжий, галопом передвигаясь от комбайна к комбайну, задержался на некоторое время возле «СК-3», на котором ладно и по-хозяйски восседал высокий и плечистый парень с красивым, располагающим к себе лицом и чуть озорными, серыми глазами.

— Как новая машина-то? — спросил уполномоченный. — Получается?

— Почему же? — ответил парень. — Конечно, получается! Замечательный комбайн. Побольше бы таких! Удобный и, главное, экономичный! Жаль только нет кабины. Наверняка, не имели ввиду конструкторы наши целинные края...

— Так, так... А как фамилия твоя? — раскрыл блокнот приезжий.

— Каргин, зовут Алексеем...

— Ну, что ж ладно. Желаю успеха. Еще встретимся, — и уполномоченный, засунув блокнот в карман, поехал дальше.

Не прошло и получаса, как из-за крутого поворота просека навстречу уполномоченному вынырнул такой же новенький и кургузый самоходный комбайн, какой повстречал он в поле. Взмах руки: Стоп! — и комбайн остановился, выйдя на обочину дороги. С мостика как бы нехотя, медленно сошел комбайнер. Взглянув на него, уполномоченный опешил — это был тот же высокий, плечистый парень, что косил хлеба на массиве, оставшемся позади. То же красивое, чуть продолговатое лицо, те же озориватые, серые глаза.

— Слушай, мы же с тобой только встречались в поле? — сказал в недоумения уполномоченный. — Как же вышло, что теперь едешь с бригадного стана?

— Нет, сегодня я еще не косил, — ответил комбайнер, криво прищурив глаза. — Я только выезжаю на массив.

— А фамилия как? — почти прокричал уполномоченный.

— Каргин.

— Вот, вот, с Карагиным я и встречался. Как же говоришь, что не косил?

Механизатор расхохотался.

— То, наверно, Алексея вы видели. А я—Виктор. Мы — братья, близнецы...

Лишь позже довелось уполномоченному из Зеренды узнать, что семья Каргиных дала колхозу семь отличных механизаторов, семь славных богатырей, каждый из которых по своим могучим плечам и росту словно бы из рода Еруслана Лазаревича.

Первую тракторно-полеводческую бригаду в Серафимовке так и называют бригадой братьев Каргиных. Возглавляет ее механизатор с 22-летним стажем, ненасытно пытливый мастер высоких урожаев, влюбленная с детства в тракторы и комбайны душа, коммунист Павел Федорович Каргин.

Кроме Алексея и Виктора в бригаде трудятся трактористами родные братья Павла—Петр, Василий, Тихон и сын Иван. Помощником бригадира до нынешнего года был Андрей Тонких, человек тоже близкий по своему беспокойному характеру и любви к технике, к замечательной семье и вконец породнившийся с ней после женитьбы на одной из сестер Каргиных. Сейчас Тонких заведует колхозным гаражом.

...Родоначальникам семьи—Федору Яковлевичу и Татьяне Степановне Каргиным—в этом году исполнилось по 80 лет, Федор Яковлевич выглядит не ветхим, согбенным старич-

дом, а все еще по-молодецки прям и статей, сохранив отчетливую память о пережитом за свой богатый событиями век.

— Много перемен прошло через мою жизнь, — рассказывает старик синовьям. — И лучину видел, и окна, заделанные требушиной... Вот, как погляжу на вас, так и вспоминаю деревянную соху. Бывало, иду я за сохой, устану, как сагана, а отец кричит: «Во-о озле!» Это значит, чтобы лошадка от борозы не отклонялась. Об тракторе тогда у нас и мечты не было, ковырялись сохой и думали: «Вот была бы эта земля своей!» Ведь за аренду земли помещику мы платили столько, сколько не выручали урожая. И голодовали почти что каждый год. Вам-то не понять того! Вам-то что теперь, врозе так и должно: сел на трактор и па-а-ши, сколько душе угодно, а потом вам на трудодни сотни пудов хлеба да еще денег отваливает колхоз. О таком и не думал мужик. Мечта была только о земле... Вот в четырнадцатом году — Петька тогда был годовалым мальчиком — и переехали мы сюда из Самарской губернии. Кругом лежала без конца и края непашь — чуть с ума не сошли от радости. Однако же и быстро опомнились: сохой-то много не поднимешь целины... В тринадцатом году организовался наш колхоз. Трактор появился — маленький «Фордзон». Пахал земли клочками то в нашем, то в соседнем колхозе. На другой год еще поступило несколько машин. Тогда я Петьке — ему стукнуло уже семнадцать — и сказал: «Не будь дураком, учись водить такую машину. Это же счастье твое!»

И Петр Каргин, окончив курсы в Зерендинской МТС, в 1932 году первым в семье сел за руль трактора. Полюбилось ему механизаторское дело. На смену «Фордзону» вскоре он получил отечественный трактор «СТЗ», всячески берег его, придирался к сменщику, когда тот что-либо недосмотрел, а, уходя в 1941 году на фронт, сдал машину в полной исправности.

Кончилась война, и Петр снова сел на «стального коня». В 1954 году свой выдавший виды «СТЗ» он сменил на мощный дизельный трактор: начиналось невиданное ни одним поколением хлеборобов дело — освоение тысяч и тысяч гектаров целины. В тот год в колхозе было вспахано более шести тысяч гектаров новых земель.

Жизненная судьба младших Каргиных имеет очень много сходного с судьбой Петра.

Взять хотя бы Павла... Тоже — механизаторские курсы,

работа на «СТЗ», фронтовые дороги от Волги до Будапешта и Праги, а затем — по Манчжурии, возвращение в Серафимовку, учеба на курсах бригадиров и с 1949 года бессменное руководство тракторной бригадой. Рядом с орденами и медалями, говорящими о боевой славе, на груди у Павла появились орден Трудового Красного знамени и три медали Всесоюзной сельскохозяйственной выставки за получение высоких урожаев пшеницы.

Или взять Василия и Тихона. Их механизаторская судьба тоже тесно переплелась, как и у старших Каргинных, с солдатской. Не вернулся с Великой Отечественной войны лишь один Григорий, который оставил в колхозе память, как добрый механизатор.

Да еще Михаил изменял семейной традиции, стал после двухлетней работы на тракторе шахтером в Караганде.

— А то было бы нас девять, — говорят Каргинны. — А с зятем Андреем — десять.

Самые младшие — близнецы Алексей и Виктор, хотя и молодые механизаторы — первый с 1951 года, а второй — с 1956-го тоже успели отличиться, о чем без слов говорят на груди их ордена и медали. Особенно старателен и толков, по призванию старших Каргинных, Алексей. Он с отличием окончил училище механизации, быстро овладел секретами самоходного комбайна, убрал прошлой осенью 430 гектаров и намолотил 6350 центнеров хлеба.

Как наиболее опытному и сметливому механизатору правление колхоза поручило Алексею в прошлом году помогать в работе четырем молодым комбайнерам. Немало было хлопот, но Алексей честно отнесся к этому поручению. Все пять комбайнов убрали хлеб группой на одном массиве. Малейшая заминка или поломка у кого-нибудь — Алексей тут как тут: показывает, советует, засучив рукава, разбирает узел. Многому научились у него молодые комбайнеры.

Характерная черта братьев Каргинных — неприязнь к тем, кто при неудаче ноет и хнычет, но палец о палец не ударит, чтобы найти причину, доискаться до сокровенных секретов машины. Некоторые комбайнеры высказывали пренебрежительное мнение о «СК-3». Дескать, не совсем удачная машина, мотор неудобно поставлен, слишком высоко и близко к бункеру, к тому же, мол, он перегревается быстро. Все эти рассуждения вызывали в Алексее раздражение.

— Болтаете, что попало. — сказал он однажды. — Очень

даже удобный комбайн. Ко всякой технике подход разумный нужен. Motor самоходного комбайна перегревается у тех, кто не следит за радиатором.

Действительно, сердцевина радиатора у «СК-3» быстро забивается пылью и половой, очистка ее водой требует много времени и воды. Долго думал Алексей над тем, как организовать уход за радиатором, чтобы не терять драгоценное во время уборки часы на его очистку. И нашел. Он подсоединил к выхлопной трубе специальным зажимом трехметровый шланг и сжатым воздухом стал продувать радиатор. Такой выход из положения изумил даже самых заядлых скептиков своей неожиданной простотой.

Правильно сказано: дело мастера боится!

Бригаду братьев Каргиных называют в колхозе бригадой мастеров высокого урожая. В течение последних пяти лет она ежегодно получает с каждого из 4300 гектаров ярового клина по 90—110 пудов хлеба. Но разве это все, что могут родить мощные черноземы здешних мест?

— В этом году даем слово, — заявил Павел Каргин на колхозном собрании, посвященном решениям декабрьского Пленума ЦК КПСС, — вырастить 120 пудов хлеба. Сил для этого у нас хватит, упорства — тоже. Только подготовка к весне нужна добрая, основательная.

Морозными, зимними вечерами, возвращаясь гурьбой из новой ремонтной мастерской, ставшей в эти дни средоточием главных забот механизаторов, братья Каргины наведываются в дом отца, чтобы перемолвиться словом о своих трудовых буднях, поделиться радостями.

— Последний трактор ремонтируем, тятя — сказал в один из февральских вечеров Павел. — Васькин трактор. Остальные одиннадцать комиссия приняла с хорошей оценкой.

Федор Яковлевич одобрил сыновей не столько словом, сколько добрым посветлевшим взглядом. Затем спросил:

— А как остальные?

— Плуги все готовы, сеялки и бороны — тоже. Полным ходом ремонтируем комбайны.

— Зима хорошая, снежная. — заметил старик. К большому хлебу это, старайтесь!

— Не волнуйся, деда! — озорно подмигнул внук Иван. — Не подведем. Дела идут — лучше не надо.

Февраль 1960 год.

ЭТО БЫЛО

Степь да степь. На сотни километров —
 Древняя, седая целина:
 Край сайгаков, лебедей и ветров.
 Кобылиц молочных, самана.
 Редкие завьюженные колки,
 Мчит поземка по степи, шурша
 Заунывно воют в стужу волки,
 От пурги спасаясь в камышах.
 Словно тешась, перелески в стужу
 В легкий иней раздел мороз,
 И бродяга-ветер кружит, кружит
 Покрывало белоснежных кружев.
 Отряхая с трепетных берез,
 И пока буран с обвальным гулом
 Не творит свой дикий произвол.
 Всадника до самого аула,
 Провожает отощавший волк.
 Джут весной. За ливнем вслед морозы.
 Коннi заморенные храпят..
 В мертвой неподвижности стоят,
 Как сосульки, звонкие березы.
 Словно под бутылочным стеклом
 Травяная низенькая щетка.
 Бей в стекло тяжелым сапогом
 В испуленной кованной чечетке. —
 Ледяная смерть пришла в твой дом.
 Овцы гибнут. Мигом за селом —
 И скачи, пусть свет в глазах
 померкнет —
 Лед и смерть. И на кургане беркут —
 Леденец со сломанным крылом.

Эту быль к нам древние поэты
 Старик-акыны донесли.
 Почему ж я написал об этом?
 Просто вспомнил, как минувшим летом
 Насмерть перепуганного светом
 К нам в поселок волка привезли.

Мамлютка

Маленькая станция, Мамлютка.
Рядовая станция Мамлютка.
Чахлый скверик, крохотный вокзал.
Элеватор — серая скворешня.
Пассажир один, и уж, конечно,
Пять молочниц, — так сказать, базар.
Жиденькие трубы ремзавода.
На болотах желтая тоска.
Поездами, на подъем легка.
Жизнь летела мимо год за годом.
От гудков слышнее тишина.
Целое событие — вагон-лавка.
Покупателей десятков у окна, —
Продавец обеспокоен: давка.
Выпала одна лишь благодать
Станции, ветрами опаленной,
Поезда встречать и провожать,
Дружеским фонариком зеленым

* * *

Над ночною станцией луна —
Холод излучающая льдина.
Спит поселок. Лишь она одна
Светит, да и то наполовину.
Да собаки лают. А пока
Спит Мамлютка у порога марта, —
Там, в Москве, за много верст, в ЦК
Отмечают станцию на картах.
В будущем — дыханье чертежкй,
В будущем — разлуки и волненья.
Но глухая станция уже,
Станцией зовется назначенья
И уже ей грузят трактора.
И на завтра сотни незнакомых
Будущих товарищей, с утра
Выстроятся в очередь, в райкомах.
Будут говорить про Комсомольск.
Ну, а степь поймут.

и то едва ли

В той Мамлютке, о которой вскользь,
Ничего, пожалуй, не слыжал, —
Степь с коптящим пламенем свечи,
Степь с пургой в раскат тысячеверстой,
Степь, что воет волком иль молчит,
Тишиной пронизывая острой.
И взгрустнет, наверное, не раз
Маленькая девушка по дому,
Та, которая идет сейчас
За путевкой к своему райкому.
А с подружкой и всплакиут тайком,
Может быть по разу, может—по два.
Потому, что очень нелегко
Будничный дается подвиг.
Потому, что очень нелегко
Ждать своих, заслуженных колосьев.
Потому, что очень далеко.
А ведь счастье хлеборобов — осень
Тут не скроешь заблестевших глаз
Никакою девичьей сноровкой...
Ради счастья девушка сейчас
Просит дать на целину путевку.
...Над Мамлюткой стылая луна
Рассекает тучи ятаганом,
И курится снегом целина
Перед лютым мартовским бураном.
Завтра будет здесь передний край
Трудного степного наступления.
Принимай составы, принимай.
Станция большого назначения!

* * *

Отремела первая весна
В небывалом чувств круговороте,
И обузданная целина
Год который уж как у нас в работе
Парень с заготпункта в проходной
С будничной обычной прибауткой
Ставит штамп на хлебной накладной
«Место отправления—Мамлютка»
И волгарь, с побывки воротясь,
Возле этой станции знакомой

Окает товарищу «Вылазь,
Тут уж мы с тобой почти что дома».
И подставит крепкое лицо
Неуемному степному ветру,
А до дома почитай еще
Добрых двести с гаком километров.
Выпала святая благодать
Станции, ветрами опаленной, —
Приезжающих сюда встречать
Дружеским фонариком зеленым

Северное яблоко

Северное яблоко.
Вяжущее, кислое.
Мне дороже крымского.
Что на север прислано.
Здесь морозы лютые,
Здесь для яблок света нет.
И на кислоту его
Я не стану сетовать.
Потому, что выросло, —
Выросло, упрямое.
Что ж, что холод сковывал,
Веточки корявые.
Что ж, что ночью майскою
Выла вьюга снежная,
И кружил над яблоней
Цвет, со снегом смешанный, —
Будет год, и яблонька
Все метели выстояв,
Принесет нам яблоко,
Алое, душистое.
Так ее мишуринцы,
Как героя — орденом,
Наградят за мужество
И за верность Родине.
Северное яблоко,
Вяжущее, кислое
Мне дороже крымского,
Что на север прислано.

НАЧАЛО ПУТИ

(РАССКАЗ)

Хорошо пройтись по родному городу...

Здесь ты родился; босоногим мальчишкой в глухих переулках сражался в бабки, учился в школе, окончил институт; в парке у пруда первый раз объяснился в любви. Спеша по своим делам, ты встретишь на улице старого своего учителя; врача, к которому Мать водила тебя еще в детстве; парикмахера, сбрившего тебе первые усы; человека, имени которого ты не знаешь и не помнишь, когда и где с ним познакомился, а знаешь только, что он как-то тебе знакомый и с ним надо здороваться. И ты идешь, налево и направо приветствуя встречаемых,—одним кивая головой, другим пожимая руки; третьим на ходу показывая большой палец на вопрос: «Как дела?».

Так чувствовал себя Владимир Сибирцев, шагая в один из июльских дней 1950 года по главной улице города Анска. Погода в то лето стояла чудесная—дни жаркие, с частыми ливнями, с громами и молниями, с радугами через все небо, ночи теплые, пахучие, мглистые. С утра в этот день парило и к полудню жар стал нестерпимым; казалось, о распаленный, пышущий зноем воздух можно было прикурить папиросу. Но уже высоко в небе начинали громоздиться и перемешиваться белые, как кипень, и свинцово-лиловые облака, обещающая стремительный освежающий ливень.

Прошло уже около месяца с того дня, когда Владимир сдал последний экзамен за учительский институт. Все это время он провожал друзей, разъезжавшихся по домам или на места назначения. Много было выпито, спето, сказано на прощанье. А теперь подходил и его срок.

Неведомый Красноармейский район, неведомая Никольская семилетняя школа, куда он должен был выехать в ближайшие дни, раньше манили, а теперь все больше пугали его своей неизвестностью. И чем очевидней и неизбежней представлялась ему необходимость уезжать, тем больше осознавал Владимир, насколько вырос он в город всем строем своей жизни, знакомствами, привычками, привязанностями и как трудно вдруг и бесповоротно порвать все эти связи.

«Пойти, что ли, к этому Ващенко?» — который уже раз за эти дни мелькала у него мысль, но он тотчас отгонял ее... И он бесцельно и неторопливо шел дальше. Вдруг знакомый голос окликнул его:

— А я — к тебе, — говорил Алексей Овчинников, однокурсник и приятель Владимира, протягивая ему руку и широко улыбаясь. — Что это ты голову повесил?

— Сама под тяжестью высокого образования клонится, — невесело пошутил Владимир. — Когда приехал? — спросил он с завистью глядя на загоревшего и поправившегося Алексея.

— Вчера только, славно отдохнул. Волю покупался, по-агорал; свал знаешь, по заповеди: переспи ближнего...

— Оно и видно: опух даже.

— На два килограмма поправился, — похвалился Алексей и добавил по своей всегдашней привычке к остротам. — Но на мозги из этих двух килограммов не падает ни одного грамма — за весь месяц не только книг, даже газет в руки не брал...

— Когда едешь? — перебил его разглагольствования Владимир.

А я, брат, никуда не поеду, — с расстановкой сказал Алексей, сразу став серьезным.

— Как — не поедешь?

— А так и не поеду... В городскую школу получил назначение, — самодовольно ответил Алексей.

— Шутить? — все еще не веря, уставился на него Владимир.

— Нет, без всяких шуток, железно говорю...

— Значит — блат?

— Он, он, — подтвердил Алексей, подмигивая — Блат Иванович помог.

— Но это подло, — сурово, не поддаваясь на заигрывания оборвал его Владимир.

— Подло!.. Какое слово — бр-р! — Алексей блудливо улыбнулся. — Это ловко, с этим нельзя не согласиться... Будь у тебя возможность, ты что, не остался бы, скажешь?

— Есть у меня такая возможность, да не хочу мараться, — процедил Владимир. — Вот смотри. — Он извлек из внутреннего кармана пиджака голубой конверт. — Здесь письмо одного нашего знакомого к Ващенко, знаешь в обкоме...

— Ну, и иди, — живо перебил его Алексей.

— Не хочу... не могу... Подло это — по протекции...

—Подло, подло!—с досадой передразнивал его Алексей идеалист какой нашелся. Иди, чудак, пока не поздно. Не ты первый, не ты последний. Это железно...

Владимир молчал.

—Ну, что, по лбу он тебя ударит?—наседали на него Алексей, видимо, испытывая острую потребность морально оправдать себя.—Дегей тебе с ним крестить?.. Иди, говорю, чудачка, пока не поздно. Кто не стучит, тому не открывают...

Владимир молча шел рядом, не глядя на Алексея. До этого все казалось ясным. Лида оставалась в городе, он ехал в Красноармейский, Алексей в Володаровский район. Шансы были равными. Теперь положение менялось, Владимир уезжал, Алексей оставался, и кто знает...

«По лбу не ударит... кто не стучит, тому не открывают».—машинально повторял он про себя...

И Владимир постучал... По лбу его, действительно, не ударили и двери перед ним открылись. Он оказался в просторном и светлом кабинете Ващенко и, краснея и проклиная себя, подал ему голубой конверт.

—Та-ак,—прогнул тот, внимательно прочитав записку и недоброжелательно, как показалось Владимиру, посмотрев на него.—В городе, значит, хотите остаться?

—Да... мать... семейное положение,—еле выдавил Владимир, кляня в душе и себя и Алексея, втянувшего его в эту историю.

—Бывает, бывает... —Владимиру показалось, что на крупное лицо Ващенко набежала мгновенная тень брезгливости.—Бывает, бывает,—холодно повторил тот, беря трубку телефона и называя номер.

—Алло. Дайте трубочку Василию Кузьмичу. Нету? Когда вернется? Ну, добро. Вот что, молодой человек,—сказал он после минутной паузы, показавшейся Владимиру вечностью.—поищем для вас что-нибудь... учитывая ваше семейное положение,—по лицу его опять прошла гримаса неприязни.—Зайдите завтра и заведующему горно, а я переговорю с ним... Вот так.—Он выжидательно смотрел на Владимира, давая ему понять, что пора уходить.

Но Владимир не уходил. Он вдруг явственно увидел все происходящее как бы со стороны. Он, Владимир Сибирцев, всегда считавший себя человеком честным, презиравшим все нечистое, стоит здесь в роли униженного просителя, вызывая к себе вполне заслуженное чувство гадливого отвращения у

хозяина кабинета. Казалось, вся кровь прихлынула к лицу Владимира.

— Знаете что,— резко сказал он, берясь за ручку двери,— не звоните в горюно... не надо мне места в городе... Поеду в село... До свиданья!

Вашенко удивленно поднял брови, хотел что-то сказать, но Владимира уже не было в кабинете.

♦ ♦ ♦

Сибирцеву шел в то время двадцать первый год. Детство и юность Владимира ничем не отличались от детства и юности всего поколения его ровесников, и, когда ему впервые в жизни перед распределением выпускников института довелось выполнять личный листок по учету кадров, он вписал в него точно то же, что писали в этом случае сотни тысяч молодых людей его возраста: комсомолец... колебаний в проведении линии партии не имел... в Великой Отечественной войне не участвовал, ученого звания и наград не имеет, знает хорошо русский и слабо немецкий язык, к судебной ответственности не привлекался... И собою он ничем не выделялся: русоволосый, сероглазый, не высокий, но крепко сбитый юноша, каких встретишь на каждом шагу.

В район он приехал накануне августовского совещания. В районе все было страшно занято, с утра до вечера там толпились люди, и Владимир, чувствуя себя никому ненужным, целыми днями валялся в гостинице, пересчитывая старые журналы и до одури играя по вечерам в шахматы.

В первый же день совещания он познакомился с Никольскими учителями. Доклад заведующего районо «Об итогах и задачах» длился два часа. Никольская школа в докладе упоминалась непрерывно: не выполнен закон о всеобщем, плохо подготовлена к новому учебному году, низкая успеваемость...

—И так из года в год склоняют нас,—шепнула Владимиру сидевшая рядом с ним учительница русского языка Анна Александровна, худенькая, остроносая, белокурая девушка.

—Что ж, правда это? — также шепотом спросил он.

—А почти все и правда,— с досадой ответила она.

Владимир посмотрел на директора, сидевшего через несколько человек от него. Брюзглий, черниль, испуганный сорокалетний мужчина, он с первого взгляда не понравился Владимиру, а теперь увидя, как низко опустил голову, он сошел и что-то быстро-быстро писал в блокноте. Владимир ощутил вдруг острую неприязнь к нему. В обеденный перерыв двое из никольских учителей, математик Павел Дмитриевич, молодой

человек лет двадцати пяти, брюнет с мелкими правильными чертами лица, одетый с той особой шеголеватостью, которая присуща обычно людям холодным и расчетливым, и добродушный на вид увалень, биолог Анатолий Иванович, холостяк, несмотря на то, что ему уже перевалило за тридцать, пригласили Владимира отобедать вместе с ними на квартире, где они остановились.

—Что же это школу вашу так кроют?—осторожно спросил он по дороге.

—Нашу!.. Нашу школу, надо говорить теперь Владимир Федорович.—поправил его Павел Дмитриевич.—Конечно, не зная вас,—продолжал он.—не зная на чью сторону вы станете, может быть, и не следовало бы говорить, но я все-таки скажу... директор у нас—дрянь. Вот и вся причина.

—Ну, зачем так аггестовать?—вмешался Анатолий Иванович.—Поработает, увидят сам.

— Вы... всегда вы с пальмовой ветвью... как Иисус Христос,—зло блеснув глазами возразил Павел Дмитриевич...— Впрочем, в самом деле, черт с ним... а то Владимир Федорович, чего доброго, подумает, что мы его как новенького в склоку вовлекаем.

—Ну, что вы,—запротестовал Владимир, хотя именно так ему и начинало казаться

Этот разговор словно воздвиг между новыми знакомыми невидимую стену, мешавшую сближению.

Пообедали, перебрасываясь ничего не значащими фразами, покурили и отправились на совещание. На другой день работали секции. Секция литераторов еще не закончила свою работу, когда Сибирцева вызвали к заведующему району. «Может, в другую школу направят?»—думал он по дороге и невольнo убистрял шаги. В кабинете, кроме Рогова, пожилого невзрачного и рябоватого человека, донашивавшего, видимо, еще армейский китель, был Гулов, инспектор облоно, грузный, лысый, неулыбающийся. Рогов, в прошлом преподаватель русского языка, разговаривая, по старой учительской привычке то и дело поправлял своих собеседников. Сибирцев уже знал об этой привычке заведующего и сейчас с любопытством слушал его разговор по телефону с невидимым собеседником.

—Не хуже, а хуже, ну ладно—сделаем... Не проклявывается, а наклеивается, хотели вы сказать,—что же, я поддержу вас...

—Мы решили назначить вас директором Никольской школы,—без всяких предисловий сказал он, повесив трубку и внимательно посмотрев на Сибирцева.

—Меня?.. Директором?.. Там же... есть директор,—не нашел он сразу другого аргумента.

—Был... мы его освобождаем, он не тянет школу.

—Но если он не тянет,—возразил Владимир,—то я и вовсе не потяну. У меня, вы же знаете, и стажа никакого нет.

—Вот и хорошо, что нет никакого стажа,—вмешался Рогов,—это несравненно лучше, чем пятнадцатилетний стаж халтурщика.

—Но, позвольте...

Рогов возражения Владимира слушал нетерпеливо, как человек, знающий наперед, что его собеседник не скажет ему ничего такого, чего он не слышал бы уже много раз. А выслушав, сказал:

—Получайте приказ и принимайте школу... Я не намерен вводить вас в заблуждение. Никольская школа — трудная. Плохо подготовлена к зиме, не пользуется авторитетом среди населения... Колхоз там запущенный, маломощный. Но с трудного и надо начинать молодому человеку.

—С чего же мне начать?—в полнейшей растерянности спросил Владимир, не замечая, что он уже согласился.

—Начните с хорошего педсовета.

—С хорошего педсовета,—перебил Владимир.—А я на педсовете был всего один раз в жизни, когда меня хотели из школы исключить.

Но Рогов даже не улыбнулся.

—Соберете учителей и скажите им, как надо работать. А потом—изо дня в день—там увидите...

Владимир чувствовал, что Рогову не требовалось никаких мыслительных усилий, чтобы поучать его таким образом. Говоря, он пересматривал и отбирал какие-то бумаги, записывая что-то в настольном календаре.

—Главное требовательность. И ломайте это благодушие сразу,—заучено говорил Рогов. — Мы поддержим, поможем вам,—вдруг торопливо закончил он, так как в эту минуту зазвонил телефон.

Пока Рогов надсадно и долго кричал в трубку какие-то цифры, в чем-то оправдываясь, Владимир пытался придумать какой-нибудь решительный довод, чтобы отвести свою кандидатуру, но в голову ничего не приходило. И вместе с тем, как

ни насилывал он себя, откуда-то из глубины души росло и выпирало молодое честолюбие и гордая вера в то, что он может...

—Итак?—сказал Рогов, повесив трубку.

—Ну, что ж,—поддаваясь этому чувству, ответил Владимир,—попробую. — И на всякий случай добавил: — Боюсь выгонять не пришлось бы...

—Выгонять?—впервые за весь разговор улыбнулся Рогов.—До этого, пожалуй, не дойдет... А погонять, если потребуется—будем.

—А старый директор?—вдруг спохватился Владимир

—Нет, нет,—успокоил его Рогов,—мы направляем его в распоряжение облоно,—кивнул он головой в сторону Гулова и добавил, иронически скривившись: — Облоно найдет ему школу, он, кажется, не во всех еще районах области работал.

—Нет уж,—мрачно отрубил Гулов,—отдиректорствовал он—хватит.

Через день Владимир принял Никольскую семилетнюю школу, или как значилось в акте, одно деревянное здание, столько-то парт, столов, стульев, книг, глобусов и старый надтреснутый колокольчик. Когда все присутствовавшие при передаче—приеме ушли, Владимир сел за директорский стол, взял колокольчик и слегка потряхнул им — раздался глухой дребезжащий звук.

Одиноко и бесприютно стало на душе у Владимира. Он достал из кармана новенькую записную книжку, купленную им в раймаге, и на первой странице четко написал:

1. Купить новый колокольчик.

Так началась его жизнь в Никольском, таково было первое «мероприятие», намеченное новым директором.

А к концу следующего дня список неотложных дел и вопросов, требующих немедленного решения, растянулся уже чуть ли не на добрую половину блокнота.

Директор школы, оказывается, должен был думать буквально обо всем: завхоз требовал изыскать средств на ремонт печей; технички жаловались, что нет тряпок — нечем мыть полы; учителя несли на «утверждение» календарные планы; сельский совет требовал организовать в бригадах читку газет, выпуск боевых листов. А по почте в тот же день пришла бумага из райисполкома, адресованная еще старому директору: ...Окончить ремонт... охватить обучением... создать фонд... вовлечь... не допустить... предостеречь... принять

меры... огранизовать... создать... развернуть... внедрить... —чего только не предусматривалось этой бумагой!

Завуч Мария Дмитриевна, не поднималась из-за стола: составляла разнарядки на учебники и тетради, чертила какие-то графики, готовила расписание.

День прошел, как в июлусне. Минутами Владимир совершенно терял чувство реальности всего происходящего с ним. Ловя в своем голосе несвойственный ему ранее решительный тон в ответах на обращенные к нему вопросы, слыша поминутное непрерывное обращение к себе по имени-отчеству, он несколько раз за день вдруг недоуменно спрашивал себя: «А почему я здесь, и почему все эти незнакомые люди по всякому поводу адресуются именно ко мне?».

Но вот все ушли, и Владимир остался в учительской один. Впервые за весь день он вспомнил, что с самого утра ничего не ел. Квартира его была тут же, при школе. Поужинав всухомятку остатками хлеба и рыбных консервов, купленных ими еще в райцентре, он хотел было сесть за письмо домой, но вдруг так остро почувствовал свое одиночество в этой пустой необжитой комнате, что его неудержимо потянуло на улицу, на люди...

Багряно рдел закат, мычанье коров, звонкие голоса ребятишек разносились по селу. Он шел, здороваясь с незнакомыми людьми, ловя на себе любопытные взгляды.

«Ох, приживусь ли я здесь?» — думалось ему.

За огородами блеснула речка. Он решил сходить туда. Пустынно и торжественно было на реке в этот час. Солнце садилось, речная гладь блистала всеми красками заката, шумели родники, которых было здесь бесчисленное множество. Долго сидел Владимир на берегу, любуясь великолепием заката, слушая этот шум, и тихое умиротворение вошло в его душу.

Яркое залитое солнцем утро первого сентября. Владимир в лучшем своем костюме выходит на крыльцо. Высоко подняв руку с колокольчиком, перевязанным алой, полыхающей на ветру лентой, он дает долгий залихватый звонок.

С глухим стуком упал на землю волейбольный мяч, игроки, заслышав звонок, бросились врассыпную и уже нет рук, которые приняли бы и упруго послали мяч вверх; миг ломается хоровод, обрывается на полуслове песня и только одинокий звонкий девичий голос еще несколько мгновений тре-

пещет в вышине, сливаясь с мелодией колокольчика. А потом — минутная сумятица, топот ног и многоголосый гам в коридоре, сменившиеся гулкой тишиной...

И замелькали дни, заполненные уроками, гулом перемен, множеством мелких забот и дел.

Трудно давалась Владимиру та роль, в которой приходилось ему теперь выступать. Сколько раз ловил он себя на том, что слишком по-мальчишески соскакивает со школьного крыльца или чуть ли не бежит по коридору, — в такие минуты он, воровато оглянувшись, резко переходил на чинную «директорскую» походку, выработать которую для себя поставил неременной задачей. А потом опять забывался, срывался с места и бежал к телефону, говорил излишне горячо и громко. А как часто замечание, срывавшееся у него невзначай, которому раньше он не придал бы никакого значения, ставило его в необходимость подтверждать свои слова делом. Теперь он не имел права бросать слова на ветер.

Как-то привели к нему пятиклассника, уличенного в курении.

— Куришь? — грозно нахмурившись, спросил его Владимир и вдруг осекся, осознав, что он говорит это, держа в руке зажатую папиросу...

— Больше чтоб этого не было! — только и нашел он что сказать совсем потерявшемуся мальчишке.

Тот выскочил из учительской, удивляясь и радуясь, что так легко отделался.

— Надо было Владимир Федорович, хорошенько погонять его, — заметила завуч.

— Черт бы побрал это курение, — не отвечая ей прямо, сказал Владимир. — Учился в школе — от учителей прятался, теперь видно, от учеников придется прятаться. — Он со злостью смял в руке папиросу, ожегся и сунул ее в пепельницу.

— Ну, скажите, как мог гонять я его, когда у самого папироса во рту?

— А ведь правда, — робко заметила Анна Александровна, всегда болезненно переносившая табачный дым. — Хорошо было бы, если бы учителя сами не курили.

— Скажем определеннее, — с той привычкой к решительным формулировкам, которая у него заметно стала вырабатываться, возразил Владимир, — воспитатель, толкующий ученику о вреде курения и окутывающийся при этом клубами табачного дыма — это не воспитатель, — и от удовольствия,

что так хорошо сказал, с разбегу добавил. — кто как, а я больше не курю.

— Посмотрим, — сказал Павел Дмитриевич.

— Увидите...

И как же потом проклинал себя Владимир за эту неосторожную похвальбу, бегая через каждые полтора—два часа к себе на квартиру, чтобы выкурить тайком две—три папиросы подряд. И один раз он уже решился, было, махнуть рукой на самолюбие и превратить все в шутку. Но на следующей перемене произошел разговор, заставивший его отказаться от этого плана. Вошли с уроков мужчины и через минуту небольшая учительская наполнилась клубами дыма. Анна Александровна вошла после них. Она была чем-то расстроена и, едва войдя и окинув взглядом учительскую, резко сказала:

— Товарищи мужчины! А ведь вы просто бессовестные! Можно ли отдохнуть в такой обстановке?

— Что ж, нам на улицу, что ли, прикажете выходить? — возразил Павел Дмитриевич.

— А хоть на улицу идите, — отпарировала Анна Александровна. — Или бросайте. Ведь бросил же Владимир Федорович.

— Ну, то ведь Владимир Федорович, — как-то неопределенно протянул Павел Дмитриевич, но что-то послышалось в его тоне такое, от чего Владимира покоробило.

«Нет, отступать нельзя», — твердо решил он.

• • •

Конец сентября. Грязная, исковерканная телегами и машинами дорога то петляет в околках, то выбегает в поля.

В брезентовом дождевике поверх плаща Владимир сидит, неудобно вытянув ноги, в ходке и время от времени замахиивается кнутом на рыжего мерина. Наивно предполагая, что подкидывание задом и усиленное вращение хвостом означают, что мерин перешел на рысь, Владимир кладет кнут в ходок и отдается своим мыслям. А старый мерин прядает ушами, довольно всфыркивает я, продолжая гасниться ленивым шагом, думает, должно быть о том, что городского жителя обмануть совсем просто.

Вчера Владимиру передали телефонограмму Рогова — явиться на совет района с отчетом о первом месяце занятий. Чуть свет Владимир выехал в район. Накануне вечером он вместе с завучем набросал отчет и наметил все вопросы, в решении которых нужна была помощь району. Но то, что про-

лзошло на совете, ошеломило его. Заслушав сообщение Сибирицева и еще нескольких директоров, которые так же, как и он просили стройматериалы, средства и наглядные пособия, выступили инспектор Рогов и заместитель председателя райисполкома Сурков с призывами немедленно устранить имеющиеся недостатки, наладить, развернуть, усилить работу, повысить чувство ответственности, — словом, с набором тех обязательных дежурных установок, которые повторялись ими, очевидно, на каждом совещании. А затем было оглашено решение совета. Оно было лаконичным. Обязать директоров таких-то школ в трехдневный срок закончить ремонт и завезти недостающее топливо, повысить уровень учебно-воспитательной работы, усилить контроль...

«Помогли, называется, — думал Владимир, — как-будто я сам не знал, что нужно закончить ремонт и улучшить учебно-воспитательную работу?»

«Погонять, если потребуется, будем» — вспоминался ему первый разговор с Роговым...

Громоздились над березовыми и осиновыми околками гяжелые серо-синие облака; осина махала навстречу веткой, унизанной багровыми и яркокрасными листьями; уплывали назад скирды соломы, серо-желтые поля местами неубранной еще пшеницы. А в памяти Владимира одна за другой встают картины той совершенно необычной жизни, которой он жил последний месяц. Впервые он как бы переступил черту того мира, где он всем каждую минуту был нужен, где все от него чего-нибудь требовали, ожидали его указаний. И он припоминает все свои действия, слова и жесты и судит себя страшным судом.

Дорога вывернула из околка и взору его открылось большое, неправильной формы, поле готовой к жатве пшеницы. Легкая рябь пробегала из конца в конец поля. Купы берез красиво выделялись в нескольких местах среди пшеницы. Сквозь клочья облаков на минуту выглянул край солнца. В дальнем конце поля серебром сверкнули стволы берез, вспыхнула желтым блеском узкая полоса пшеницы. Неожиданно легко и ясно стало на душе у Владимира, и он ехал какое-то время, бездумно, отдавая ощущение своей молодости и здоровья. Но вот опять солнце зашло в тучи, краски вокруг мгновенно поблекли, и Владимиром снова овладели мысли о своем одиночестве среди множества людей, о своей неудачливости и бесполезности.

К школе он подъехал к концу второй смены. Войдя в коридор, полный ребятишек, он услышал чей-то радостный и громкий возглас:

— Владимир Федорович приехал! —

Сердце у него дрогнуло. «Неужели рады?» — пронеслось в уме.

— Здравсте, Владимир Федорович! Здравсте... Здравсте. — как горох, сыпалось со всех сторон, пока он шел по коридору.

—Здравствуйте, здравствуйте, ребятки, — говорил Владимир, сияя улыбкой, забыв, что дорогой давал клятву улыбаться как можно реже. И пустыми и надуманными показались ему все его дорожные страхи и клятвы.

• • •

В конце октября неожиданно ударили морозы. Как и предупреждали Владимира завхоз и учителя, печи оказались непригодными и, сколько ни топили их, теплее в школе не становилось.

Ученикам пришлось разрешать на уроках сидеть в пальто. Учителя тоже один за другим стали ходить в классы в зимних пальто. Только Владимир демонстративно ходил в костюме. Но увы, личный пример директора не воодушевил никого. Дольше всех держалась Анна Александровна. Ей было просто жаль Владимира не как директора, а как ровесника, попавшего в беду. И Владимир понимал это. Иногда он готов был расцеловать ее посиневшие от холода руки, всегда выпачканные мелом, чтобы выразить ей свою признательность. Но он ограничился только тем, что приказал ей не «задаваться» и одевать пальто.

Анна Александровна молча подчинилась.

—Сегодня у учеников с «Сахалина» (так называлась группа домов, стоявших на отшибе села) по дороге в школу чернила замерзли и в классе не оттаивают, писать невозможно.—объявил однажды Павел Дмитриевич, войдя с урока.

Владимиру показалось, что при этом он неприязненно посмотрел в его сторону. Учителя промолчали, но и в их молчании Владимир почувствовал укор себе.

—Эх, видно опять всю зиму маяться будем,—проговорил Павел Дмитриевич, закуривая папиросу.

В этих его словах Владимир вдруг услышал другие, ска-

занные им давно и о другом человеке: «Директор у нас дрянь. Вот и вся причина».

«Так же, наверно, и обо мне говорят теперь», — тоскливо подумал Владимир.

И не сам по себе холод был страшен. Между учителями все чаще вспыхивали короткие нелюбезные диалоги по самым пустяковым поводам. Ребяتيшки на перемене носились по школе, как угорелые, устраивали «кучу малу» и никто не унимал их — надо же было им греться.

В колхозе «заваливали» зимовку скота. Из района каждый день наезжали все новые уполномоченные, произносили все более грозные речи, правление заседало чуть ли не круглые сутки, а положение не улучшалось. Председатель и члены правления отмахивались от Владимира, даже не желая выслушать его до конца. Он позвонил Рогову.

— Нажимай на председателя, требуй! — прокричал тот с другого конца провода.

Владимир стал опять ловить председателя. Но поймать его было трудно: он то выезжал в район или в бригады, то заседал всю ночь напролет. Тогда Владимир пришел в контору в пять часов утра и стал караулить там председателя. Увидев Владимира, председатель улыбнулся и, протягивая ему руку, спросил, как ни в чем не бывало:

— Что так рано, товарищ директор? — Выслушав горячий сбивчивый рассказ Владимира, он скривился, но тут же похлопал его по плечу и сказал примирительно:

— Сделаем, сделаем... только потерпи маленько. Тут, знаешь, райисполком за корма голову снимает. Пока не до твоих печей. Но сделаем, не беспокойся.

И снова ушел Владимир ни с чем. В отчаянии он опять позвонил Рогову.

— Народ поднимай... родителей, — посоветовал Рогов.

— Вы не знаете наших родителей: придет десять — пятнадцать человек, а остальных и на веревке не затянешь, — сказал Павел Дмитриевич, когда Владимир объявил учителям о своем решении созвать родительское собрание.

— Да, на родителей наших рассчитывать трудно, — подтвердила и Мария Дмитриевна.

Владимир и сам мало верил в успех задуманного. Слишком хорошо помнил он, как с месяц назад правление колхоза целых три дня билось, пока собрали общее колхозное собрание. Но другого выхода не было, и с энергией отчаянья он отдался работе по подготовке родительского собрания. Ученики писали, разрисовывали вивьетками и разносили приглашительные билеты, обещавшие не только доклад, но и концерт силами учителей; по вечерам учителя в школе допоздна репетировали пьесу; во всех общественных местах были вывешаны афиши, извещавшие огромными буквами о предстоящем собрании. Накануне собрания учителя, разбив село на «кубики», прошли из дома в дом.

В день собрания школу ярко «яллюминировали», выставив в каждое окно по две—три зажженные лампы, которые стацили со всего села. Казалось, все село пришло в тот вечер в школу. Собрание было бурным, долгим и постановило в ближайшую субботу и воскресенье переложить все печи в школе. Председатель, которого Владимир чуть не насильно привел на собрание, обещал отпустить кирпич. А потом была постановка, прошедшая с большим успехом.

Долго не мог уснуть Владимир в ту ночь, припоминая и вновь переживая ход родительского собрания. И, наверное, до конца дней запомнилось ему выступление одного старика-колхозника в вытертом полубухе, плешивого и седобородного, но неожиданно звонкоголосого и красноречивого.

— А я скажу так, товарищи,— говорил этот старик. — Плохая у нас школа, и давно мы махнули на нее рукой. Тому виной не только мы. Много у нас сменилось и учителей и директоров, да все люди какие-то шибко временные они, без души работали... А вот в этом году школа ожила. Ребятишки не только на уроки, а по вечерам в школу бегать стали, то шить-вышивать, то в разные игры играть, а озоровать-то им и некогда стало. И подолгу окна вечерами в школе светятся. А молодой наш директор, городской товарищ, спать долго не ложится. Я как-то ехал ночью с соломой, глядь, а окошко у директора светится. А часа три было. И что ему в такую пору делать-то? — думаю. — Прошлогодний наш директор, бывало, с курами ложился. И чудно мне это стало, и решил я грешным делом, этак немножко заглянуть в окошко. Пусть уж не пообидится на меня старика, товарищ директор... гляжу, а, он, сердешный, сидит, тетрадки проверяет, книжками

обложился... Хороший это огонек горит в окошке нашего директора для наших ребятишек, живой, ласковый, правильный огонек...

«— Вот тебе и на! — думал Владимир. — да тут быстро заметят, кто что делает».

Подошла суббота и Владимир, форсируя события, не ожидая печников, организовал ребят на разборку печей. К середине дня все печи были разобраны; битый и перегоревший кирпич свалили в овраг, годный для кладки аккуратно сложили в штабеля, заготовили глину. Ребятишки разнесли по селу весть, что в школе нет теперь ни одной печи. Владимир отправился к председателю.

— Ну, как мы договорились, печи я все разобрал,— как ли в чем не бывало, сообщил он, — давай хозяин кирпич у спецов.

— Как все? — изумился председатель. — Экий ты прыткий. Ну, впрочем, молодец. Ах ты, вот задал задачу. Дарья вызови-ка сейчас в правление Тихона Прибыткина, Афанасия Сальдюкова, Петра Чередиченко.

В воскресенье восемь печников работало на кладке печей за школой. Глину месили, чистили и подавали кирпич ученики. Работа кипела. Поздно вечером кладка печей была закончена, и школа дружно задымила всеми трубами.

Уставший, выпачканный глиной, но счастливый, уже в одиннадцатом часу ночи, когда технички убрали и вымыли школу, Владимир вышел прогуляться. Сквозь мутные облака тускло светила луна, похрустывал под ногами лед, налетал дурной колючий ветер. Возвращаясь, он еще издали увидел школьное здание, выделявшееся своим размером среди всех других домов и дымившее всеми трубами, и невольно залюбовался этой картиной. Школа представилась ему могучим кораблем, плывшим над селом, а сам он — капитаном этого корабля.

— Полный вперед! — тихо скомандовал он и счастливо засмеялся...

В степи

Колосья от края до края,
Стрекочит кузнечик в траве.
И зори костры разжигают
В чуть блеклой степной синебе.

Вспугнув воробьиною стайку,
Взревел басовито мотор,
Набросив на плечи фуфайку,
Как штурман, стоит комбайнер.

Глаза голубые прищурил.
Лежит на штурвале рука
Раздув паруса по лазури,
Вдогонку бегут облака.

Сверстнику

Зачитанные томикн романов,
Поблекли, растрепались корешки...
Ведь это мы, бродя по океанам,
Прочли их от доски и до доски,
Ведь это мы, забыв про перемену,
Под партой раскрывали их тайком —
И шли с тобою по тропе военной
С невозмутимым Кожаннм Чулком.
Тайком от мамы (может рассердиться),
С собою книгу брали на постель,—
И рялом с нами, прямо по страницах,
Шагал чудаковаый Паганель.
И вместе с Немо, вместе с Гаттерасом
Весь шар земной мы обшли не раз.
И про себя, мечтая, раз за разом
Рассчитывали карты звездных трасс.
Прошли года. Мы, сверстник, постарели,
Но помним все мечтанья детских лет.
И сотни раз мы на небо смотрели,
Миров далеких впитывали свет.
Пришедший к нам из бездны расстояний.
И вот — мечта извечная сбылась:
Прочли не в фантастическом романе,
А в строгих строчках сообщений ТАСС —
Ушла ракета, вслед за ней — другая
Луны рукой коснулся человек.
И в Космос, людям трассы открывая,
Шагнул наш беспокойный век
И, может быть, на Марсе капитаны
Могучих межпланетных кораблей
Откроют книжки стареньких романов—
Далекий отзвук юности своей...

Как быть?

Собирает мальчишка марки.
Бумажки цветные, яркие.
На марках — звери и птицы,
Цветы, баобобы, ляны,
Чужие, надменные лица:
Колониальные страны.
И вот недавно мальчишка
Пришел с альбомною книжкой:
— Помогите, дядя, пожалуйста,
Мне разобраться в марках!
Сколько сам ни старался, —
Запутался в странах жарких,
В странах заокеанских,
В названиях африканских.
Раньше было написано, —
Посмотришь на марку — ясно:
Конго — значит Бельгийское,
Родезия — значит Британская.
А что же теперь получается?
Африка, что ли меняется?
Посмотришь на марку иную,
Заглянешь в альбомную рубрику, —
И где же искать такую
Мальгашскую, скажем, республику?
Или еще — даже страну —
Нигде нет Республики Ганы...
Вижу — парень взволнован:
Не знает, как с марками быть.
— Придется, наверное, Вова,
Новые страны ...
открыты!
Мальчишка мне возражает:
— Колумбов теперь не бывает...
Как объяснить мальчишке,
Что встали черные люди,
Что всем колониям — крышка,
Что больше колоний не будет.
Что новые страны рождаются,
Что Африка подымается?

СОДЕРЖАНИЕ

- Адерихин Б.—Слово о Казахстане. Делунка на горды. Варвара самогонщица. Стихи.
- Аверин М.—Навстречу новой жизни (спеша на письма «На берегах Ишима»).
- Богданович В.—Целинный край весну увидел, Барин-пчеловод. Стихи.
- Белозеров Н.—Сверстнику. Как быть?
- Ветров А.—Крива. Бестоварная операция. Рассказ.
- Гусинский А.—Новое так рождалось. Они с мамой. Матрос. Рассказ старожилы целины, Будни. В небе звезды... Стихи.
- Гусинский Ю.—Огни полустанка. Герой. Песня о Москве. Подлюби меня вот такого. Песня моей юности. Стихи.
- Елвисов Л.—Первый хлеб. Стихи.
- Забманов И.—Кзыл-Жар. Исторический очерк.
- Калица А.—Сбылось. Мое богатство. Токарь. Скрипач. Стихи.
- Куперман В.—Прославим свой край. Стихи.
- Лизун В.—Письмо с целины. Степь. Стихи.
- Пржилаковский А.—Осенней ранью. Стихи.
- Просослов Г.—Коммунист. Стихи.
- Приников А.—Переселенцы. Палатка. Над проектом. Загада. Ручей. Стихи.
- Растихин А.—Любимое имя Лемия. На страже мира. Стихи.
- Симаков Н.—На трудной трассе. Рассказ.
- Третьяк Л.—Случай на целине. Канва. Рассказы.
- Федотов В.—Перевоспитанья. Стихи.
- Хамидуллин А.—Люди целины. Очерки.
- Шамов Г.—Это было. Мам.лотка. Северное яблоко. Стихи.
- Шевченко С.—Начало пути. Рассказ.
- Штерников В.—Родина. В разлуке. Весеннее. В степи. Стихи.

Редактор Б. ПЕТРОВ

Сдано в набор 12 X—60 г.
Подписано в печать 30/X—60 г.
Формат 1/16 печатных листов 4.
Корректор К. Исаева.